

Что лес берёт взамен

Рина Долева

Рина Долева

Что лес берёт взамен

«Автор»

2026

Долева Р.

Что лес берёт взамен / Р. Долева — «Автор», 2026

Лес у пограничной Молвицы возвращает заблудившихся только в обмен на человеческое умение. Отданный навык не исчезает бесследно: деревья начинают плести корзины, камни — ковать, ручьи — повторять чужие ремёсла. А защитный наговор деревни действует лишь до тех пор, пока никто не произнесёт его условия целиком. Травница Яра Вежа привыкла считать молчание осторожностью. Но когда лес начинает взыскивать старые долги, она узнаёт: её собственный дом стоит на земле, полученной бабушкой благодаря скрытой поправке к договору. Чтобы вернуть пропавшего ученика, Яре придётся открыть формулу всем, отдать лесу родной дом и решить, какое умение действительно принадлежит ей одной. «Что лес берёт взамен» — самостоятельный роман о цене тайны, праве отказаться от жертвы и знании, которое становится надёжнее, когда перестаёт принадлежать одному человеку.

© Долева Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Тропа без следов	6
Глава 2. Цена возвращения	15
Глава 3. Наговор, который нельзя назвать	23
Глава 4. Дом на чужом корне	31
Глава 5. Межник считает буквально	39
Глава 6. Сестра без песни	49
Глава 7. Первое умение	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Рина Долева

Что лес берёт взамен

От автора

Эта история начинается с простой вещи: полезная тайна тоже может иметь цену, особенно если люди, которых она защищает, не знают условий защиты. В Молвице молчат не из трусости. Молчание удерживает лес за межевými камнями, помогает возвращать пропавших и хранит дома. Поэтому сказать правду здесь опаснее, чем солгать.

Но договор, которого нельзя прочесть целиком, оставляет слишком много власти тому, кто помнит нужные слова. И дар, отданный ради другого человека, остаётся добровольным лишь до тех пор, пока человек понимает, что именно потеряет.

В этой книге лес не награждает смелых и не наказывает виноватых. Он исполняет обещанное буквально. Людям приходится самим решать, что они вправе отдать, что обязаны открыть другим и можно ли сохранить дом, построенный на чужом незнании.

Глава 1. Тропа без следов

Корзина лежала на боку, будто женщина, нёсшая её, присела отдохнуть и вдруг забыла, зачем нужны руки.

Яра увидела её издали, между двумя ольхами. Светлый ивовый обод резко белел на мокрой земле. Из корзины высыпались поздние опята, несколько смятых листьев кислицы и моток лыка. Накануне прошёл дождь, тропа размокла, и всякий человек оставил бы здесь след хотя бы на пол-ладони. Возле корзины не было ничего: ни вдавленного каблука, ни борозды от юбки, ни сломанного папоротника.

Яра остановилась у последнего межевого камня. Дальше начинался лес.

Камень доходил ей до колена. На сером боку темнели три насечки: дом, дорога и раскрытая ладонь. Яра опустила сумку с травами, достала из кармана горсть крупной соли и провела ею по верхней черте. Соль не осыпалась. Крупинки пристали к сырому камню и медленно, одна за другой, почернели.

— Значит, видишь, — сказала Яра лесу.

Ответом был стук. Тихий, частый, деревянный.

Не дятел. Дятел бил бы в одно место, с паузами, примериваясь к стволу. Здесь звук шёл сразу с трёх сторон: щёлк, щёлк-щёлк, потом короткое шуршание. Так работала корзинщица Домна, когда вплетала тонкий прут в готовый бок: поддевала его костяным крючком, прижимала большим пальцем и дважды ударяла рукоятью, чтобы ряд сел плотно.

Яра слышала эту работу десятки раз у Домниного двора. Только в лесу не было ни двора, ни верстака.

Она подняла ладонь, приказывая людям за спиной не подходить. Олена всё равно встала рядом. Старшая сестра несла топор, но держала его низко, лезвием к земле. На правом рукаве у неё темнела свежая стружка: Яра вытащила её прямо из мастерской, не дав закончить оконную раму.

— Домнина? — спросила Олена.

Яра кивнула на корзину.

Позади них тяжело дышал Матвей, муж пропавшей. Он прибежал к травничному дому на рассвете без шапки, в расстёгнутой телогрейке. С тех пор повторял одно и то же: Домна пошла за опятами до дождя, Домна знает ближний лес лучше него, Домна никогда не переступает третью метку. Теперь он увидел корзину и рванулся вперёд.

Олена перехватила его поперёк груди.

— Пусти!

— Стой на сухом, — сказала она.

Олена не повышала голоса. Она вообще редко тратила слова там, где хватало рук. Матвей дёрнулся ещё раз, понял, что плотница не отпустит, и повернулся к Яре.

— Там она. Ты слышишь? Там плетут. Это она знак подаёт.

— Домна свистит, если теряется, — ответила Яра. — Трижды, потом ждёт. Плести на ходу она не умеет.

— Все умеют плести на ходу, если жить хотят.

— Нет.

Яра присела у края тропы, не перенося веса за межу. Ей хотелось взять корзину, проверить, тёплые ли прутья, понюхать грибы, найти волос, нитку, кровь. Но расстояние от камня до находки было всего шесть шагов и потому казалось опаснее целой версты. Лес любил короткие расстояния. Человек видел знакомую вещь, делал один шаг, потом ещё один, а назад оказывалось столько дороги, сколько он не мог пройти за жизнь.

Она достала из сумки берестяную коробочку. Внутри лежали высушенные стебли плакуна, связанные красной шерстью. Яра выбрала один, сломала пополам и положила обе половины на раскрытую ладонь. Та, что была обращена к деревне, осталась прямой. Вторая медленно согнулась к корзине.

Олена втянула воздух сквозь зубы.

— Тянет?

— Уже.

— Вчера не тянуло.

— Вчера здесь не лежала Домнина корзина.

Матвей снова шагнул, но теперь его удержал Тиш. Парень прибежал позже остальных и всё ещё не успел отдышаться. Рыжие волосы липли ко лбу, на пальцах зеленели пятна от растёртой полыни. Утром Яра послала его обойти восточную межу и велела не сходить с видимой дороги. Судя по грязи до колен, видимая дорога не везде согласилась оставаться видимой.

— Я нашёл её платок, — сказал он.

Яра резко обернулась.

Тиш вынул из-за пазухи выцветший синий лоскут. Не протянул ей, а показал издали, как она учила: найденное у границы сначала предъявляют, потом спрашивают, можно ли передать. На ткани был вышит белый уголок. Домна метила так все свои вещи.

— Где?

— У восточной канавы. На нашей стороне. Зацепился за тёрн.

— Следы?

— От канавы к лесу — её. Я узнал левый башмак, у него набойка косая. А обратно... —

Тиш посмотрел на корзину. — Обратно ничего.

— Ты перешёл канаву?

— Нет.

Он ответил быстро, но не обиженно. Хорошо. Значит, хотя бы сегодня хотел дожить до вечера.

Яра велела положить платок на плоский камень и провела над ним веткой можжевельника. Хвоя дрогнула, хотя ветра не было. Повернулась к востоку. Потом к корзине. Потом снова к востоку, словно не могла выбрать, за каким хозяином идти.

— Она вошла там, — сказал Тиш. — А вышла сюда?

— Корзина вышла сюда.

Матвей сжал кулаки.

— Хватит говорить о корзине. Где жена?

Яра поднялась. Он был старше её лет на десять, широкий, сильный, привыкший вытаскивать из реки мокрые брёвна. Сейчас лицо у него сделалось маленьким, как у ребёнка, которого заперли в тёмном чулане. Яра знала, что жалость опасна не меньше страха. Из жалости люди обещали то, чего не могли отдать, называли лесу чужие имена и принимали шорох за голос близкого.

— Я не знаю, где Домна, — сказала она. — Знаю, что лес взял её с тропы и положил корзину у нашей метки. Значит, он хочет, чтобы мы увидели.

— Кто — он?

Стук среди деревьев прекратился.

В наступившей тишине стало слышно, как соль лопается на камне. Каждая крупинка раскалывалась с сухим треском, будто в огне.

Матвей побледнел.

В Молвице не спрашивали у леса, кто он. Дети усваивали это раньше, чем названия месяцев. Можно было сказать чаща, корни, тёмная сторона межи. Можно было ругнуться и сплюнуть. Нельзя было требовать имени у того, с кем прадеды договорились молчать.

Яра положила два пальца на среднюю насечку камня и начала пограничный наговор.

— Дом помнит порог, дорога помнит шаг...

Обычно слова шли легко. Их говорили вполголоса, без нажима, как напоминают сонному человеку, где его постель. Наговор знала вся деревня, но каждый — по кусочку. Яра знала больше других, потому что бабушка водила её вдоль межи с семи лет. Полную строку бабушка не произносила ни разу. Она касалась пальцем губ и говорила: целое слово становится дырой.

— ...ладонь помнит данное, — продолжила Яра. — Что за камнем, тому не ступить без...
Последнее слово исчезло.

Не забылось. Яра чувствовала его форму: короткое, с мягким согласным посередине. Оно лежало в памяти, как зерно под языком, но стоило попытаться произнести его, и язык немел.

От ольхи донёсся один деревянный щелчок.

Яра начала снова. На этот раз медленнее.

— Дом помнит порог. Дорога помнит шаг. Ладонь помнит данное. Что за камнем, тому не ступить без...

Тиш смотрел на неё во все глаза. Олена опустила топор на землю.

Яра не договорила.

На коре ближайшей ольхи выступила светлая полоска. Она вытянулась, согнулась под прямым углом, затем рядом появилась вторая. Не царапины. Тонкие молодые веточки сами ложились одна поверх другой, переплетаясь в ровный квадрат. Кто-то невидимый делал из живого дерева корзину.

Матвей застонал и метнулся вперёд.

На этот раз Олена не успела. Он перескочил тёмную полосу земли у камня, сделал два шага и схватил корзину. Яра крикнула ему стоять, но Матвей уже выпрямился. В руках у него оказался только ивовый обод. Дно осталось на земле, грибы провалились сквозь него, а стенки разошлись отдельными прутьями, словно никогда не были сплетены.

Тропа под ногами Матвея дрогнула.

Не земля — вода дрожит кругами. Здесь же каждый отпечаток его сапога начал затягиваться с краёв. Грязь вспухла, сомкнулась, разгладилась. Матвей попятился. За спиной у него вместо межевого камня стояли три одинаковые ольхи.

— Не ищи нас глазами! — крикнула Яра. — Смотри на обод!

— Я здесь! Я же здесь!

Он был в четырёх шагах, но голос пришёл из глубины леса.

— Обод держи перед собой. Не бросай. Поверни белой щепой к груди.

Матвей завертел обруч. На одном месте прут был свежо ободран — там прежде крепилась ручка. Он нашёл светлую щепу и прижал её к телогрейке.

— Теперь назад. Не оборачивайся.

— Куда назад?

— Туда, где пятка сама найдёт яму.

Он поставил ногу вслепую. Покачнулся. Подошва попала точно в уже исчезнувший след, и грязь снова приняла её. Одна из трёх ольх стала камнем. Матвей шагнул ещё раз. Теперь Яра видела, как его плечо пересекло межу, но сам он, похоже, ещё не понимал, что вернулся. Олена схватила его за ворот и выдернула на сухую сторону.

Все четверо отступили от камня.

Матвей рухнул на колени. В руках у него остался пустой обод. За межей рассыпанные прутья шевельнулись и поползли друг к другу. Они не собирались в прежнюю корзину. Они вплетались в корни ольхи, ряд за рядом, ловко и быстро.

— Это она, — прошептал Матвей. — Домна так делает.

— Это не Домна, — ответила Яра.

Она сказала уверенно, хотя уверенности не было. Человек мог оставить лесу голос, силу пальцев, знание дороги. Старые рассказы сходились только в одном: взятое не исчезало. Оно доставалось лесу, а лес не хранил вещи без дела.

Яра подобрала свою сумку. Пальцы слушались плохо. Недоговорённое слово всё ещё давило на язык.

— Возвращаемся в деревню.

Матвей поднял голову.

— Без неё?

— Сейчас — да.

— Ты травница или сторожиха камней?

— Я человек, который только что вытащил тебя обратно.

— А её вытащить не можешь?

Яра выдержала его взгляд. Хотелось пообещать, что сможет. Такое обещание усадило бы Матвея дома и дало бы ей несколько тихих часов. Но лес стоял близко и слушал, а обещания у границы быстро превращались в вещи.

— Пока не знаю как.

Матвей ударил ободом о землю. Прут треснул. В тот же миг в лесу раздался такой же треск, только громче, и с ольхи упала толстая ветвь.

Олена подняла топор.

— Ещё раз ударишь найденным у межи — руки свяжу.

— Попробуй.

— Попробую.

Они были почти одного роста. Матвей посмотрел на лезвие, потом на спокойное Оленино лицо и разжал пальцы. Обод остался в грязи на деревенской стороне.

Яра не стала его поднимать.

До Молвицы шли молча. Тиш нёс платок на палке, чтобы ткань не касалась тела. Матвей держался впереди и всё время прибавлял шаг, будто мог прийти домой раньше случившегося. Олена замыкала шествие. Дорога петляла между пустыми полями; рожь убрали неделю назад, низкая стерня блестела после дождя. Над крышами лежал печной дым. С такого расстояния деревня выглядела обычной: тридцать семь дворов, колодец, старая липа у сходного дома. Только на каждом крайнем заборе висели пучки полыни, повёрнутые корнями к лесу.

У первого двора их ждала Савва Кром.

Староста был в длинной серой свите, застёгнутой не на те крючки. Значит, его подняли с постели или оторвали от работы так резко, что он не посмотрел на руки. Рядом стояли Домнина дочь и двое соседей. Увидев пустой обод, дочь закрыла рот ладонью.

— В сходный дом, — сказал Савва. — Не здесь.

— Сначала мне нужно проверить наговор у северного камня, — ответила Яра.

— Проверишь после. Полдеревни уже знает.

— О чём?

Савва посмотрел на Матвея. Тот отвернулся.

— Что Домна пропала. Что корзина пришла к камню. Что ты не смогла договорить.

Последние слова он произнёс тише, но Яра всё равно ощутила их как толчок в грудь.

— Кто тебе сказал про наговор?

Тиш шумно выдохнул. Матвей продолжал смотреть в сторону. Олена поставила топор на плечо.

— Неважно, — сказал Савва.

— Важно. Нас у камня было четверо.

— Пятеро, если считать того, кто слушал из леса.

Яра шагнула к нему.

— Поэтому и важно.

Савва не отступил. За двенадцать лет старостой он научился стоять так, словно земля под ногами принадлежала ему по выбору жителей. Но сейчас взгляд у него бегал: на платок, на обод, на Ярины губы.

— В сходный дом, — повторил он. — Я велел позвать тех, кто помнит свои части. Проверим шёпот вместе.

— Полную строку не проверяют вместе.

— Полной строки никто не знает.

Олена сняла топор с плеча.

— Неправда.

Все посмотрели на неё.

Она провела большим пальцем по топорищу, стирая налипшую землю.

— Кто-то знает. Иначе откуда части?

Савва ответил не сразу.

— Знал тот, кто заключал. Потом разделили.

— Межник знает, — сказал Тиш.

Домнина дочь всхлипнула. Один из соседей быстро перекрестился. Савва повернулся к парню так резко, что полы свиты хлестнули по сапогам.

— Не называй его у крайнего дома.

— В заметке на межевом столбе это имя вырезано, — возразил Тиш. — Я видел.

— Видел кусок буквы и додумал остальное.

— Я умею читать.

— А я умею отличать чтение от беды.

Яра встала между ними. Тиш был прав: имя духа знали, хотя старались не произносить без нужды. Но спорить о нём на улице, когда люди уже выглядывали из калиток, было глупо.

— Отнеси платок ко мне, — сказала она ученику. — Положи под навес, не в дом. Возьми новый мел, клубок суровой нити и малую лопатку.

— Мы идём обратно?

— Я иду. Ты останешься у северного камня с Оленой.

— Почему?

— Потому что так я сказала.

Тиш стиснул челюсти. Вчера он послушался бы, сегодня — после найденного платка — хотел считаться взрослым. Яра увидела это и поняла, что выбрала худшие слова.

— Мне нужен человек с твоим носом у северной метки, — добавила она. — Если тропа пахнет не тем, чем утром, ты заметишь раньше Олены.

— Раньше любого, — буркнул он.

— Поэтому тебя и посылаю.

Он ушёл, осторожно неся платок. Олена задержалась.

— Ты одна не пойдёшь.

— Не пойду. Возьму Савву.

Староста нахмурился.

— Меня?

— У тебя ключ от старого межевого ларя.

— Там только списки покосов.

— Тогда быстро закончим.

Олена посмотрела на сестру долгим взглядом. В её лице было то выражение, которое появлялось перед работой с гнилой балкой: снаружи дерево цело, но ударишь не туда — рухнет крыша.

— До темноты два часа, — сказала она.

— Хватит.

— Бабушка тоже так говорила.

Яра почувствовала знакомое раздражение. Олена вспоминала бабушку только тогда, когда хотела закончить спор без объяснений.

— А потом возвращалась до темноты.

— Не всегда.

Сестра ушла вслед за Тишем, не добавив ни слова.

В сходном доме пахло воском, мокрой шерстью и старой золой. На длинной лавке сидели шестеро: мельник, сторожиха западной межи, две сестры с дальнего конца деревни, Саввин писарь и слепой дед Ратибор. Каждый знал несколько слов пограничного шёпота. Так было устроено давно: никто не мог случайно произнести всё, никто не мог продать лесу целую защиту.

Матвей сел у двери. Домнину дочь отвели к соседям, но её плач всё ещё доносился через стену.

Савва вынул из шкафа деревянную дощечку и положил на стол.

— По одному, — сказал он. — Каждый говорит свой кусок. Между кусками Яра стучит ложкой, чтобы они не сошлись.

— Ложка не разделяет смысл, — заметила Яра.

— Всегда разделяла.

— Всегда нам так говорили.

Савва сжал губы.

Первой заговорила сторожиха. Её часть была про дом и порог — та самая, которую знала Яра. Потом мельник сказал про дорогу и шаг. Между ними Яра ударяла деревянной ложкой по краю стола. Звук выходил плоским. Слова лежали рядом и не соединялись, но от каждого по стенам шла едва заметная дрожь.

Писарь знал про ладонь и данное. Сёстры — про камень и корень. Дед Ратибор долго молчал, поворачивая незрячее лицо к окну.

— Моя часть не такая, — наконец сказал он.

— Какая есть, такую и говори, — велел Савва.

— Была про дверь. Теперь про рот.

В комнате стало тихо.

Яра положила ложку.

— Что значит теперь?

— То и значит. Когда отец учил, было: «дверь не примет». Когда я учил сына — «рот не назовёт». Думал, память течёт. Старое слово уходит, новое садится на его место.

— Твой сын умер двадцать лет назад, — сказал Савва.

— Оттого я не стал слышать лучше.

Яра попросила его повторить обе части, но дед смог произнести только новую. На месте старой у него, как у Яры у межевого камня, немел язык. Он сердито тёр губы, пока на нижней не выступила кровь.

— Не надо, — остановила его Яра.

Она обошла стол и коснулась ладонью стены. Дрожь не исчезла после проверки. Она стекала вниз, к половицам, и уходила в сторону леса.

— Кто-нибудь говорил свою часть вчера? — спросила Яра.

Никто не ответил.

— Не на проверке. Дома. Во сне. Ребёнку. В ссоре. Хоть половину слова.

Сёстры переглянулись. Мельник покачал головой. Писарь принялся изучать чернильное пятно на ногте.

— Моя внучка просила наговор от ночного страха, — сказала сторожиха. — Я сказала про порог. Только своё.

— Когда?

— Три дня назад.

— Ещё.

Писарь поднял руку, как школьник.

— Я записал свою часть. Хотел сравнить почерк с надписью на старом столбе.

Савва вскочил.

— Записал?

— Одну строку. Потом сжёг.

— Где?

— Здесь, в печи.

Все посмотрели на широкое чёрное устье. Зола в нём лежала ровно, но у самого края виднелся белый уголок бумаги.

Яра взяла щипцы, вытащила обгоревший клочок и положила на дощечку. Чернил не осталось. По бумаге тянулась тонкая выпуклая борозда, словно написанные буквы ушли внутрь листа.

Из-под пола донёсся деревянный щелчок.

Потом второй.

Половица возле Саввиной ноги выгнулась. Из щели показался тонкий корень, гладкий и светлый, как очищенный ивовый прут. Он нащупал ножку стола, обвинил её и ловко поддел соседний корешок. Через миг под столом уже плёлся маленький, плотный круг.

Матвей бросился к нему.

— Домна!

Яра схватила его за плечо.

Корни работали быстрее человеческих пальцев. Один проходил сверху, другой снизу, третий затягивал край. Домна всегда начинала корзину именно так — с круглого донца в семь перекрёстных прутьев.

— Она жива, — сказал Матвей. — Раз руки её помнят, она жива.

Никто не решился ответить.

Круг под столом достиг размера ладони и остановился. Последний корешок поднялся, ощупывая воздух. Его кончик повернулся к Яре.

Она вспомнила пропавшее слово, которое лежало во рту и не давалось языку. Вспомнила, как следы Матвея затянулись, когда он поднял корзину. И как лес не просто оставил находку у камня, а показал им работу Домниных рук.

Это был не зов о помощи.

Это была цена, выставленная заранее.

— Закройте ставни, — сказала Яра. — Никто не произносит больше ни одной части. Никто ничего не пишет. Даже отдельное слово.

— А Домна? — спросил Матвей.

— До заката я найду вход, которым она ушла.

— Ты сказала, что пойдёшь в лес.

— Пойду.

Савва загородил дверь.

— Сначала откроем ларь.

Яра посмотрела на него. Значит, он понял ещё у крайнего дома, зачем она его звала. И солгал не о том, что лежит внутри, а только о своей готовности показать.

— Сейчас, — сказала она.

— После того как вернёшься.

— Если вернусь, нам всё равно понадобятся старые записи. Если нет — они понадобятся Олене. Открывай.

— В ларе нет полной строки.

— Я не спрашивала про полную строку.

Савва слишком поздно понял ошибку. Мельник отвёл взгляд. Писарь перестал тереть ноготь. Даже дед Ратибор повернул лицо к старосте.

Под столом снова застучали корни.

Савва вынул из-за ворота железный ключ.

Ларь стоял в чулане под грудой холщовых мешков. Его крышка почернела от времени, а замочная скважина была забита воском. Савва выковырял пробку остриём ключа. Яра заметила на воске отпечаток ногтя: ларь открывали недавно.

Внутри лежали списки покосов, старые планы полей и связка берестяных пластинок. На самом дне — свёрнутый кусок холста. Савва потянулся к нему, но Яра опередила.

В холсте оказался межевой шнур: толстая нить, натёртая красной глиной. По всей длине в неё были вплетены узелки. Один возле конца распустился, и свободный хвост тянулся дальше, чем полагалось по старой карте.

— Чья земля отмечена этим концом? — спросила Яра.

Савва молчал.

Она приложила шнур к плану. Красная линия шла вдоль северных огородов, огибала колодец, поворачивала у липы и заканчивалась там, где стоял травницын дом.

Не у крайней стены. Посреди дома.

Яра провела пальцем по последнему узлу. Он был завязан иначе, чем остальные: не двойной межевой, а бабушкин лекарский, которым та стягивала горлышки мешочков с ядовитыми травами.

— Откуда это?

— Лежало при прежнем старосте.

— Ты открывал ларь на этой неделе.

— Проверял печати.

— Зачем?

— Потому что северный камень сдвинулся.

Яра подняла голову.

— Когда?

— После первого дождя. На два пальца к деревне.

— И ты не сказал сторожам.

— Я поставил его назад.

— Камень или межу?

Савва не ответил.

Из общей комнаты раздался крик. Яра и староста выбежали из чулана. Корзинное донце под столом исчезло. Корни втянулись между половицами, оставив только влажные полосы. Зато посреди стола лежала свежая зелёная ветка, согнутая в петлю.

В петле был зажат рыжий волос.

Яра сорвала его прежде, чем кто-то успел коснуться. Волос был короткий и жёсткий. Такие же она каждую неделю снимала с Тишева ворота, когда парень забывал пригнуться под сушильной рамой.

— Где он? — спросила она Олену, хотя сестры в комнате не было.

Ответ пришёл с улицы. Дверь распахнулась, и Олена влетела внутрь без топора.

— Северная тропа пропала, — сказала она. — Камень на месте. Тиш стоял рядом со мной. Моргнула — и его нет.

Яра разжала пальцы. Ветка упала на стол.

Рыжий волос остался у неё на ладони. Он был сухим, а кончик пах полынью — Тиш растирал её утром. Значит, лес взял его не давно и не где-то далеко. Он взял его сейчас, пока взрослые складывали части запретной строки и спорили о запёртом ларе.

За окном, у самой стены сходного дома, кто-то снова принялся плести корзину.

Яра сунула межевой шнур в сумку.

— Мел и нить у него остались? — спросила она.

Олена кивнула.

— Тогда он будет метить путь.

— Если путь позволит.

— Позволит. Ему нужно, чтобы мы вошли.

Матвей поднялся.

— Я с вами.

— Нет. Ты едва вернулся с шести шагов.

— Там моя жена.

— Поэтому останешься у камня и будешь звать её так, как звал домой. Без обещаний. Без цены. Только по имени.

— А если она ответит?

— Не иди на голос. Жди, пока увидишь лицо и обе руки.

Савва всё ещё стоял у чулана.

— Я запрещаю входить до схода.

Яра перекинула сумку через плечо.

— Тогда собирай сход по дороге.

— Ты не понимаешь, что держит межу.

Она остановилась перед ним.

— Нет, Савва. Это ты не понимаешь. Если защита требует, чтобы мы не знали, чей дом уже стоит в лесу, она держит не только лес.

На улице быстро темнело. К северу над деревьями собирались тучи, хотя ветер гнал их в другую сторону. Олена подобрала топор у крыльца. Матвей взял фонарь. Дед Ратибор остался за столом и шептал себе под нос обрывок старой части — не слова, а один ритм.

Яра дошла до крайнего дома и увидела межевой камень на прежнем месте. За ним не было тропы. Мокрые папоротники стояли сплошной стеной, ни один лист не был примят.

Но из глубины леса тянулась суровая нить.

Тиш привязал её к камню правильным узлом. Второй конец уходил между деревьями и медленно натягивался, будто кто-то там перебирал его пальцами.

Яра обмотала нить вокруг запястья. На миг ей показалось, что далеко впереди Тиш сделал то же самое.

Потом лес дёрнул.

Не сильно. Приглашающе.

Яра переступила межу.

Глава 2. Цена возвращения

За межой нить стала тяжелее.

Она не просто тянула Яру вперёд — она намокала у неё в руке, хотя дождь ещё не начался. Суровые волокна разбухли и резали кожу. Второй конец уходил под папоротники, огибал ольху и пропадал там, где между корнями лежала темнота.

Олена переступила следом.

— Я велела ждать у камня.

— Я ждала, пока ты не вошла.

— Это не одно и то же.

— Для меня одно.

Матвей остался на деревенской стороне с фонарём. Его свет уже казался далёким, хотя Яра могла обернуться и коснуться камня. Савва собирал людей у крайнего дома. Голоса доходили глухо, словно из-за закрытой двери.

Яра сделала шаг вдоль нити. Папоротники расступились не перед ногами, а за спиной, отрезая обратный путь. Олена положила ладонь ей на плечо.

— Не торопись. Здесь расстояние врёт.

— Знаю.

— Когда знаешь, тоже врёт.

Они двигались по одному следу: Яра ставила сапог, Олена попадала пяткой в ту же вмятину. Так ходили за межу сторожа, если приходилось поднимать упавший камень. Нового следа лес не замечал, пока старый не остыл. Во всяком случае, так учила бабушка.

Через десять шагов фонарь Матвея исчез. Через двенадцать впереди показалась белая спина Тишевой рубахи.

Парень сидел на корточках у корня и сосредоточенно разматывал клубок. Нить выходила из его руки, делала петлю вокруг молодого клёна и возвращалась к тому же клубку. Он ещё не заметил, что плетёт круг.

— Тиш, — позвала Яра.

Он вскинул голову.

— Не подходите! Я всё время иду к камню, а прихожу сюда.

— Встань. Клубок положи.

— Если положу, мы потеряем конец.

— Конец у меня.

Яра подняла руку с нитью. Тиш посмотрел на свой клубок, потом на её запястье. Между ними тянулись две разные нити. Его была сухой и светлой. Ярина — тёмной от воды, и на ней через равные промежутки появлялись маленькие узлы.

— Я не вязал, — прошептал Тиш.

— Знаю. Отпусти.

Клубок выскользнул из его пальцев. Нить не упала. Она дёрнулась вверх и ушла между ветвями, быстро разматываясь. Клубок прыгал по земле, пока не ударился о ствол. Последний виток сорвался, и весь шнур исчез в листве.

Тиш шагнул к Яре. Земля под ним смялась складкой, как плохо натянутая ткань, и расстояние вдруг удвоилось.

Олена сняла с пояса плотницкий шнур.

— Не бросай, — сказала Яра.

— Я не в лес бросаю.

Она обвязала один конец вокруг собственной талии, второй протянула Яре. Та сделала петлю на запястье Тиша — не затягивая, оставляя столько места, чтобы он мог освободиться сам.

— Теперь иди не к нам, — велела она. — Иди от клёна.

— Там вы.

— Не смотри на нас. Выбери дерево, от которого уходишь.

Тиш повернулся к клёну спиной и шагнул. Складка земли разгладилась. Второй шаг привёл его почти вплотную к Олене. Она ухватила парня за ворот, но Яра стукнула её по руке.

— Сам.

Тиш переступил через корень без помощи. Только тогда Яра сняла петлю.

— Я не отходил от камня, — сказал он. — Услышал, как вы зовёте. Ты и Олена. Сразу с двух сторон.

— Мы не звали.

— Знаю теперь.

Он старался говорить ровно, но подбородок дрожал. Яра ощупала его затылок, виски, запястья. Кожа была холодной, зрачки одинаковыми. На правой ладони отпечатался узор из мелких ромбов — такой оставляет корзинное дно, если долго прижимать его рукой.

— Что ты держал?

— Ничего.

— Вспоминай.

Тиш закрыл глаза.

— Кто-то дал мне корзину. Сказал отнести к свету. Я не видел лица. Только руки. Они всё время работали.

— Женские?

— Руки как руки. Пальцы в трещинах. На левом большом — напёрсток из кожи.

Домна носила такой напёрсток, когда резала прут.

Олена тихо спросила:

— Корзину донёс?

— Не помню.

Из темноты справа донёсся шорох. Между стволами качнулось что-то круглое. Потом ещё одно. Десятки корзин висели на ветвях, словно плоды: большие бельевые, узкие грибные, маленькие детские. Некоторые были сплетены из ивы, другие — из живых корней с зелёными листьями. Все медленно поворачивались к людям открытым верхом.

Яра потянула спутников назад.

— Не берите ничего. Даже если внутри наше.

В ближайшей корзине лежал Тишев клубок. В следующей — Матвеев фонарь, хотя настоящий огонь всё ещё мерцал за невидимой межой. В третьей Яра увидела собственный нож для корней. Она машинально коснулась ножен: нож был там.

— Оно показывает, что может забрать? — спросил Тиш.

— Что мы готовы узнать, — ответила Олена.

Это прозвучало слишком уверенно. Яра посмотрела на сестру, но та уже отвернулась.

Где-то впереди женщина сказала:

— Матвей?

Голос был слабый, настоящий. Он не повторял имя заманчиво, не растягивал гласные, как лесные оклики. В нём слышалась злость человека, который слишком долго ждёт ответа.

— Домна! — крикнул Матвей с той стороны.

Корзины разом качнулись.

— Стой у камня! — ответила женщина. — Не лезь, дурень!

Матвей всхлипнул так громко, что услышали все.

Яра двинулась на голос. Теперь тропа не пряталась. Она легла под ноги узкой полосой серого мха, а по краям из земли торчали обрезанные прутья. Каждый срез был свежим и пах весной, хотя стояла поздняя осень.

Домна сидела у межевого столба, которого не могло здесь быть. Настоящий столб стоял у восточной канавы. Этот был точной копией: дубовый, с косой трещиной и остатком железного кольца. Только вместо меток на нём росли белые грибы.

Ноги Домны до колен оплетали тонкие ветви. Руки были свободны и продолжали работать. Без ножа и прутьев пальцы повторяли знакомое движение: поддеть, прижать, дважды ударить. Под ладонями ничего не было.

— Не трогай ветки, — сказала она Яре. — Затягиваются.

— Ты ранена?

— Если не считать гордости.

— Как вошла?

— За опятами. Увидела девочку.

— Какую?

— Ту, что утонула весной. Маринку Ладову. Стояла за канавой и держала мою корзину. Я знала, что она мёртвая. Знала, пока не позвала меня маминым голосом.

Домне было пятьдесят два, её мать умерла ещё до рождения Яры. Лес выбирал старые голоса, потому что человек успевал забыть, насколько точно они звучали.

— Ты переступила канаву?

— Один раз. Потом шла домой. — Домна оглядела деревья. — Видишь, дошла.

— Что у тебя спросили?

Пальцы Домны замерли.

— Кто сказал, что спросили?

— Лес уже плетёт твоими руками.

Женщина посмотрела на собственные пальцы, будто впервые заметила их работу.

— Он спросил, что я отдам, если меня выведут.

— Какими словами?

— «Что твоё и нужное другим ты оставишь за дорогой назад?» Я сказала: корзину.

— Он принял?

— Спросил, делала ли я её сама. Я сказала да. Тогда он велел положить. Я положила — и дна не стало. Потом спросил снова.

— Что ты предложила?

— Нож. Потом сапоги. Потом память о матери. — Домна сжала губы. — Ничего не взял.

— Потому что нож и сапоги — вещи. А память нужна тебе, но не другим.

— Откуда знаешь?

Яра не знала. Слова сами сложились из того, что показал лес: пустой обод, работающие корни, ладонь Тиша с узором.

— Он хочет умение.

Домна перестала плести воздух.

Корзины над тропой тоже замерли.

Из-за дубового столба вышел человек в плаще цвета мокрой коры. Сначала Яра увидела только край рукава и длинную бледную руку. Потом — лицо, слишком спокойное для человеческого. На лбу у незнакомца лежала тонкая полоска мха, словно тень от низкой ветки. Глаза были серыми, без бликов.

Олена подняла топор.

— Межник, — сказала Яра.

Дух посмотрел на неё.

— Назван по надобности. Слушаю.

Голос у него был негромкий. Так мог бы говорить землемер, пришедший проверить спорный угол поля.

— Отпусти Домну.

— За возвращение положено взамен.

— Она уже вернулась к межевому столбу.

— Этот столб стоит с моей стороны.

— Он подложный.

— Он повторяет ваш. Подложным станет, если выдаст себя за ваш.

Межник не улыбался. Ему не нравилась игра словами; он просто разделял вещи точно, как плотник делит доску по черте.

Яра достала из сумки красный межевой шнур.

— Наш столб не стоит внутри этой линии.

— Теперь стоит.

— Кто передвинул межу?

— Ваша сторона.

— Савва?

— Ваша сторона.

Он не позволил превратить общий поступок в одно имя. Яра спрятала шнур. Позже она разберётся, кто двигал камень. Сейчас Домнины ноги синели под ветвями.

— Какое умение годится?

— Её. Нужное другим. Употреблённое ею. Названное без принуждения.

— Если назову я?

— Это будет твоё слово о её цене.

— Если она согласится?

— Это будет согласие с твоим словом.

Яра почувствовала, как Олена посмотрела на неё. Вот почему лес не принял Матвееву попытку, не схватил первый попавшийся дар. Цена должна родиться не из подсказки, не из страха перед чужим решением.

— Домна, — сказала Яра, — ты слышала условия?

— Я не глухая.

— Я не могу назвать за тебя.

— Удобно.

— Нет. Неудобно. Но иначе он возьмёт не добровольно.

Домна закрыла глаза. Пальцы снова начали движение, медленнее прежнего. Поддеть. Прижать. Ударить.

— Я умею печь хлеб, — сказала она. — Умею ставить сети. Различаю грибы. Вожу козу на верёвке, когда она решила убить всех вокруг. Всё нужно другим.

Межник молчал.

— Корзины, — сказала Домна. — Я умею плести корзины.

Ветви на её ногах ослабли, но не отпустили.

— Ты назвала умение, — произнёс Межник. — Не сказала, что оставляешь.

Матвей за невидимой границей закричал жене, чтобы она ничего не отдавала. Домна вздрогнула. Ветви снова затянулись.

— Замолчи! — крикнула она в ответ. — Один раз в жизни дай мне самой договорить!

За деревьями стало тихо.

Домна посмотрела на свои руки. На левом большом пальце действительно был кожаный напёрсток, истёртый до блеска. Она сняла его зубами и положила на землю.

— Я оставляю умение плести корзины. Своё. То, которому меня мать учила и которым я сорок лет пользовалась. За дорогу назад для себя.

— Принято, — сказал Межник.

Ничего не вспыхнуло. Не загремело. Домна только ахнула и развела руки, будто между пальцами лопнула невидимая верёвка.

Все корзины над тропой разом зашуршали.

Ветви отпустили её ноги. Олена подалась вперёд, но Яра снова остановила сестру: Домна должна была пройти сама. Женщина поднялась, пошатнулась, ухватила за ложный столб и выругалась. Сделала шаг. Второй.

Межник стоял рядом и не мешал.

Когда Домна дошла до Яры, та протянула ей обычную ветку ивы.

— Что это?

— Прут.

— Что с ним делают?

Домна повертела ветку. Согнула. Попыталась наложить конец на конец, но пальцы двигались неловко, как у человека, впервые взявшего иглу.

— Не знаю, — сказала она.

В её голосе было больше ужаса, чем когда ветви держали ноги.

— Ты помнишь свои корзины?

— Конечно. Вот грибную делала прошлой весной, ручку переплела в три ряда. Матвею — для щепы. Дочке маленькую, с белым краем. — Домна быстро перечисляла, потом замолчала. — Я вижу их. А как делала — нет.

Память осталась, умение исчезло.

За спиной Межника ложный столб треснул и раскрылся. Из древесины полезли тонкие прутья. Они переплетались в большую корзину, точь-в-точь как Домнина бельевая. Дух отошёл в сторону, давая работе место.

— Верни, — сказала Домна.

— Взамен уже дано.

— Я передумала.

— После данного можно жалеть. Нельзя сделать его неданным.

Матвей снова позвал. Теперь голос доносился совсем близко.

Яра обвязала всех плотницким шнуром на расстоянии вытянутой руки. Домну поставила между собой и Оленой, Тиша — последним, чтобы видеть его. Межник наблюдал.

— Сколько ещё людей лес держит? — спросила Яра.

— Сейчас — ни одного из вашей деревни.

— Сейчас?

— Ты спросила о времени.

— Сколько долгов по возвращениям не уплачено?

— Семь.

Домна перестала растирать ноги. Олена крепче взялась за топориче.

— Чьих?

— Возвращённых.

— Назови имена.

— Не были даны полными.

— Кто скрыл?

— Ваша сторона.

Снова общий ответ. Деревня разделила наговор на части, имена — на обрывки, вину — на столько людей, чтобы никто не держал её целиком.

Яра коснулась межевого шнура в сумке.

— Дом на северной земле тоже считается долгом?

Впервые Межник перевёл взгляд с её лица на руки.

— Дом считается стоящим.

— На чьей стороне?

— На земле.

— Чьей земле?

— Той, которая не давала согласия стать вашей.

Олена тихо выдохнула. Домна ничего не поняла, но запомнила — это было видно по тому, как она сощурилась.

— Почему наговор изменился? — спросила Яра.

— Потому что его меняли.

— Кто?

— Ваша сторона.

Яра едва не выругалась. Межник не издевался, и от этого было хуже. В договоре деревня значилась одной стороной. Для духа рука бабушки, рука Саввы и рука давно умершего старосты принадлежали одному существу, которое жило дольше людей и отвечало за все свои движения.

— Если я найду первоначальные слова, ты признаешь их?

— Я признаю сказанное и данное.

— А написанное?

— Написанное держит, пока молчит рот. Сказанное держит, пока пуст лист. Вместе они открывают.

Вот она — часть, которую бабушка прятала за загадкой. Целое слово становится дырой. Полная формула, произнесённая и записанная, не укрепляла защиту, а открывала её.

Олена дёрнула шнур.

— Пора.

Тьма между деревьями густела. Корзины опускались ниже, задевая людей краями. В одной лежал кожаный напёрсток Домны. Женщина протянула руку, но Яра отбила её.

— Он мой.

— Ты положила его до обмена.

— Я не отдавала.

Межник ответил из-за их спин:

— Не отдавала.

Яра взяла напёрсток сама и передала Домне. Лес не удержал вещь, которая не была названа ценой. Это тоже стоило запомнить.

Они пошли назад, отступая от ложного столба. Тропа пыталась свернуться кольцом: трижды им попадалась берёза с раздвоенным стволом. Тогда Яра велела всем выбрать не место, куда идут, а предмет, от которого уходят. Домна уходила от ложного столба. Тиш — от пустого клубка. Олена — от корзины на ветке. Яра выбрала Межника.

После этого лес выпустил их за девять шагов.

Матвей стоял у камня, белый как зола. Домна пересекла межу и ударила его кулаком в грудь. Потом обняла и долго не отпускала. Люди вокруг заговорили разом. Савва требовал тишины. Домнина дочь бежала по дороге, спотыкаясь и крича.

Яра развязала шнур. На том месте, где он касался её запястья, осталась красная полоса.

— Покажи им, — сказала она Домне.

— Что?

— Что ты вернулась. И что потеряла.

Савва услышал.

— Не здесь.

— Именно здесь.

Яра подняла с земли три ивовых прута, принесённых кем-то для укрепления метки, и подала Домне.

— Сплети самое простое кольцо.

Домна вытерла лицо рукавом. Люди расступились. Она села у камня, положила прутья на колени и долго смотрела. Потом перекрестила два, попробовала завести третий, уронила. Начала снова. Путья разъезжались.

— Не могу, — сказала она.

У леса что-то часто застучало.

За межей молодые ольхи наклонялись друг к другу. Тонкие ветви проходили одна над другой, затягивались, прижимались невидимым пальцем. Между стволами росла огромная корзина. Её стенки поднимались выше человеческого роста.

Домнина дочь опустила рядом с матерью. Матвей поднял с земли непослушные прутья, будто хотел сломать, но Домна отобрала их.

— Не трогай. Я хотя бы помню, что они были моими.

Савва повернулся к людям.

— Все по домам. До утра никто не подходит к меже. На рассвете будет сход.

— На сходе ты покажешь ларь, — сказала Яра.

— На сходе решим, что показывать.

— Семь долгов уже решены без тех, кто их платит.

По толпе прошёл шёпот.

Савва побледнел.

— Зачем ты это говоришь?

— Потому что Межник сказал при четверых. Семь возвращений остались без платы. Имена давали не полностью.

— Дух пользуется словами.

— Он отвечает буквально. Пользовались словами люди.

Матвей поднялся, поддерживая Домну.

— Кто назвал мою жену не полностью?

— Сегодня — никто, — ответила Яра. — Она назвала себя и цену сама.

— А раньше?

— Узнаем.

Это «узнаем» было обещанием, и Яра сразу пожалела, что произнесла его у межи. Но люди уже услышали. Отступить теперь значило оставить цену не только лесу, но и Савве с его запертým ларём.

Тиш стоял по другую сторону камня — на деревенской, но слишком близко к черте. Он смотрел, как ветви заканчивают корзину.

— Что лес с ней сделает? — спросил он.

— С чем?

— С умением.

— Уже делает.

— Нет. Корзина — это только повтор. Домна плела не ради плетения. Она носила грибы, щепу, бельё. Давала людям вещи, которых раньше не было. Лес зачем плетёт?

Яра посмотрела на огромные зелёные стенки между ольхами.

Внутри корзины темнота была плотнее ночи. Что-то шевельнулось на дне, но края поднялись и скрыли движение.

— Чтобы складывать, — сказала Олена.

— Что? — спросил Тиш.

Никто не ответил.

В деревню возвращались при фонарях. Домну вели дочь и Матвей. Она по-прежнему держала три прута, время от времени складывая их по-разному, будто руки могли вспомнить раньше головы. Каждый раз получался спутанный треугольник.

У Яриноного двора Олена остановилась.

Дом стоял на месте. Тёмные брёвна, крыльцо, сушильный навес, пучки растений под крышей. Всё привычное. Только из щели между нижним венцом и фундаментным камнем торчал тонкий светлый корень.

Яра наклонилась и потянула.

Корень не поддался. Он огибал камень и уходил под пол.

На его конце был завязан маленький лекарский узел.

Точно такой же, каким бабушка отметила последний отрезок межевого шнура.

Олена присела рядом.

— Теперь скажешь, что лежало в ларе?

Яра показала ей красную нить. Сестра развернула план прямо на крыльце, прижала углы камнями и долго изучала линию.

— Дом стоит за старой межей, — сказала Яра.

— Я вижу.

— Ты не удивилась.

Олена провела пальцем по бабушкиному узлу.

— Я удивилась двадцать семь лет назад.

Яра медленно выпрямилась.

— Что ты знаешь?

— Не здесь.

— Все сегодня говорят мне «не здесь».

— Потому что ты всё спрашиваешь у порога.

Олена взяла план и вошла в дом. Яра осталась у крыльца. Корень под фундаментом шевельнулся, затягивая узел туже.

Со стороны леса донёлся последний деревянный удар.

Огромная корзина была закончена.

Глава 3. Наговор, который нельзя назвать

В доме пахло сушёной мятой, золой и мокрой землёй.

Последнего запаха прежде не было.

Яра закрыла дверь, поставила засов и сразу услышала под половицами тихий скребущий звук. Не мышь. Мышь царапает быстро, с передышками, а это двигалось медленно и без усталости: нажимало снизу на доску, отпусало, пробовало следующую.

Олена положила бабушкин план на стол.

— Лампу ближе.

— Сначала скажи.

— Сначала убедимся, что дом не слушает.

— Дом всегда слушал. Ты в нём выросла.

— Дом — да. Корни — нет.

Олена сняла с крюка плотницкий молоток, опустилась на колени и постучала по половицам. У печи звук был сухой. Возле стола стал глуше, словно под доской лежала ладонь. Олена переставила скамью, поддела остриём гвоздь и вынула короткую половицу, которую сама меняла прошлой весной.

Под ней лежала чёрная земля. Светлый корень толщиной с палец прошёл между камнями фундамента, разделился надвое и потянулся к печи и бабушкиному ларю. На развилке был затянут лекарский узел: два оборота, петля, конец под низ.

Яра знала этот узел лучше собственного почерка. Им привязывали бирку к мешочку с опасной травой, чтобы даже в темноте не перепутать с обычной. Бабушка учила: два оборота означают пользу, петля — вред, спрятанный конец — дозу, о которой нельзя забывать.

— Она отметила дом как лекарство? — спросила Олена.

— Как лекарство с ядом.

— Подходящее наследство.

Яра достала нож.

Олена перехватила её запястье.

— Не режь то, что не умеешь пришить обратно.

— Ты двадцать семь лет знала про землю и сейчас решила учить меня осторожности?

— Я знала не про землю. Я знала про одно утро.

Она отпустила руку, вернула половицу на место и сверху поставила тяжёлую ступу. Скребущий звук прекратился. Не исчез — только отступил к стене.

Олена села напротив Яры.

— Мне было одиннадцать. Тебе семь. Ты ушла за бабушкой к северной канаве, хотя она велела ждать. Вернулась бабушка одна. Сказала, что лес сложил тропу и тебя не вывести обычным именем.

Яра помнила другое: холодную воду в сапогах, зелёный свет между елями и песню Олены. Одну строку, ходившую по кругу. Тогда ей казалось, что сестра пела из дома, хотя дом был далеко.

— Ты пошла за мной.

— Я дошла до старого камня. Бабушка говорила с кем-то за елью. Самого его я не видела.

Она сказала: «Возьми северный локоть, только отдай девочку». Потом заставила меня петь.

— Зачем?

— Не знаю. Пела, пока ты не вышла. Потом не смогла повторить мелодию.

Яра ждала продолжения, но Олена замолчала.

— Ты говорила, что сорвала голос от простуды.

— Так велела бабушка.

— И ты послушалась на двадцать семь лет.

— Мне было одиннадцать. Потом двенадцать. Потом уже поздно было объяснять, почему я врала вчера.

Яра отвернулась к полкам. В связках трав всё оставалось понятным: серебристая изнанка полыни, красные стебли зверобоя, ломкие головки пижмы. Каждая вещь называлась своим именем и не становилась другой от молчания. Ей захотелось перебрать мешочки, растереть листья, заняться тем, где ошибка выдаёт себя запахом. Но под ступой снова надавил корень.

— Северный локоть, — сказала она. — Участок от канавы до дома.

— Тогда дома не было. Была старая сушильня.

— Бабушка получила землю за меня.

— Она сказала «возьми». Не «отдаю».

— Для Межника это разные слова.

— Теперь понимаешь, почему я не хотела говорить у порога?

Яра понимала другое. Бабушка выменяла дорогу для ребёнка, но не заплатила тем, что назвала. Подсунула лесу землю, которой деревня не считала своей, а потом поставила на ней дом. Возможно, это и было одним из семи возвращений. Возможно, первым.

— Что она велела тебе забыть кроме песни?

Олена сжала губы.

— Вот это ты делаешь всегда. Если я не даю ответа, ты решаешь, что он спрятан.

— А разве нет?

— Я отдала умение петь, Яра. Не память. Я помню слова. Только не произнесу их в этом доме.

Снаружи трижды ударили в дверь.

Обе вздрогнули. Олена взяла молоток, Яра — нож.

— Это я, — сказал Тиш. — И Мирон Лоск. У него беда.

Мирон был деревенским писарем, человеком с вечно синим средним пальцем и привычкой сначала складывать фразу во рту, а потом выпускать. Сейчас он вошёл без паузы. Волосы прилипли ко лбу, тулуп был наброшен поверх рубахи, на босых ногах — чужие валенки. В руках он держал железную жаровню.

В жаровне лежали серые хлопья бумаги.

— Я сжёг запись, — сказал он.

— Мы знаем, — ответила Яра.

— Нет. Вы знаете, что я сжёг ту, первую. Эта появилась снова.

Он поставил жаровню на стол. Среди золы виднелся угол плотного листа. По нему шла чёрная строка, но буквы расплылись, будто их писали на воде.

Тиш остался у двери и старательно не смотрел на щель возле ступы.

— Где появилась?

— В книге рождений. На странице между прошлой зимой и этой осенью. Я открыл проверить Домнино полное имя перед сходом. Там чистый лист был, я точно помню. А сегодня — слова.

— Какие?

Мирон облизнул губы.

— Не скажу.

— Правильно. Покажи остаток.

— Я потому и принёс, что показывать нечего. Пока нёс, чернила поползли. Тогда поджёг. Думал, если написанное молчит, надо уничтожить написанное.

— И прочитал вслух?

Писарь посмотрел на неё с оскорблённым достоинством.

— Я не дурак.

— Ты пришёл в чужих валенках с горящей книгой рождений среди ночи. Я должна спросить.

— Не читал. Только первую часть, когда переписывал со старой дощечки. Днём. В канцелярии.

Яра замерла.

— Ты говорил, что записал обрывок и сразу сжёг.

— Так и было.

— Теперь говоришь, что прочитал его.

— Чтобы переписать, надо было разобрать. Я произносил по одному слову.

— По одному — кому?

— Себе.

— Сколько слов?

Мирон перевёл взгляд на Олену, будто надеялся найти у неё более удобный вопрос.

— Пять.

В комнате стало слышно, как в печи оседает уголь.

— Точная строка? — спросила Яра.

— Я не знаю, точная ли. На дощечке буквы стёрлись.

— Где дощечка?

— Савва забрал.

Тиш тихо прикрыл дверь. Мирон обернулся на звук и заметил корень, выглядывающий из щели у стены.

— Это было здесь?

— Нет, — сказала Олена. — Но уже пришло.

Яра взяла щипцы, осторожно подняла недогоревший угол листа и положила на перевёрнутую крышку ларя. Чернила уцелели только в трёх местах. От первой группы осталась нижняя дуга буквы. От второй — длинный хвост. Последнее пятно напоминало межевой знак, но могло быть прожжённой дырой.

— Тиш, принеси с полки уголь и тонкую бумагу.

— Нельзя переписывать, — сказал Мирон.

— Я не буду переписывать слова. Сниму расположение пятен.

— Это чем отличается?

— Тем, что пятно не даёт смысла.

— Межник тоже любит отличия.

— Межник любит точность. Это мы любим делать вид, будто нет разницы.

Яра накрыла обгоревший лист чистым, легко провела углём по краям и получила три тёмных островка. Между первым и вторым расстояние было в ладонь, между вторым и последним — в две. Строка была длиннее пяти слов.

— Ты видел не весь текст, — сказала она.

— Я переписал то, что было на дощечке.

— А это продолжение.

Мирон провёл синим пальцем над оттиском, не касаясь.

— В книге оно занимало две строки.

— Кто открывал книгу после тебя?

— Савва. Я. Его помощник Прохор. Домна весной, когда записывали внучку. Полдеревни могло открыть.

— Кто знал, какую страницу искать?

— Никто.

Олена усмехнулась без веселья.

— Значит, всего четверо.

Мирон снял тулуп. На правом рукаве рубахи проступала копоть.

— Я пришёл не затем, чтобы меня судили. После того как лист загорелся, буквы появились на столе. Я вытер. Потом на двери. Потом на снегу под окном. Не целиком. По одному слову.

— Какие слова?

— Не заставляй.

— Я не прошу произносить. Укажи смысл.

Писарь задумался.

— Первое обозначало границу. Не «межа», другое. Второе — то, что делают ртом, когда обещают. Третье было про укрытие. Остальных я не разобрал.

Тиш подошёл к окну и подышал на стекло. На запотевшей поверхности ничего не появилось. Он вытер её локтем.

— А если слова хотят, чтобы их сказали? — спросил он.

— Слова ничего не хотят, — ответила Яра.

Под полом что-то провело от стены к столу, словно ногтем.

— Лес хочет, — сказал Тиш.

— Лес делает. Хотеть умеют люди.

— Тогда человек хочет, чтобы мы договорили.

Олена посмотрела на Мирона.

— Где ты нашёл дощечку?

Писарь не ответил.

Яра поняла раньше, чем он опустил глаза.

— В этом доме.

— Не в доме. Под сушильным навесом. После летней бури оторвало доску, а за ней была ниша. Я увидел старую зарубку и отнёс Савве.

— Почему не мне?

— Потому что зарубка была старостинская.

— На моём навесе.

— На спорной земле, как сегодня выяснилось.

Мирон произнёс это слишком быстро и сразу пожалел. Олена встала. Она не подняла молоток, но писарь отступил к двери.

— Не трогай его, — сказала Яра. — Он сейчас нужен со всеми пальцами.

— Я и не собиралась трогать. Хотела рассмотреть человека, который крадёт доски, а потом приходит жаловаться, что они за ним ходят.

— Я спасал деревню.

— От доски?

— От того, что на ней было.

— Ты даже не знаешь, что на ней было.

— Поэтому и отнёс старосте.

Яра погасила желание продолжить спор. Слова уже сделали достаточно. Нужны были предметы, время и след.

— Когда ты прочитал пять слов?

— Три дня назад, после заката.

— Громко?

— Шёпотом.

— Кто был рядом?

— Савва.

— Он остановил тебя?

— После пятого слова. Вырвал лист и бросил в печь.

— А дощечку?

— Запер в ларе.

Три дня назад Домна ещё не пропала. Три дня назад Матвей не видел складки тропы у камня. Три дня назад корни не вязали узлов под Яриным домом — или она не замечала.

— Что случилось сразу после?

— Ничего.

— Ничего не бывает. Вспоминай мелочи.

Мирон закрыл глаза.

— Огонь в печи стал зелёным. На миг. Потом у Саввы на столе лопнула сургучная печать.

И ещё... колокол качнулся.

— Ветра не было, — сказал Тиш.

— Ты откуда знаешь?

— Я тогда сушил семена у звонницы. Колокол качнулся, но не ударил. Я думал, птица села.

Яра сложила три события рядом. Зелёный огонь. Сломанная печать. Беззвучный колокол. Огонь получил цвет леса, запертое раскрылось, звук не состоялся. Пять произнесённых слов не разрушили наговор, но нашли его слабые места.

— Наговор держится не просто на молчании, — сказала она. — Каждая несказанная часть к чему-то привязана. Писарь назвал кусок, и связь ослабла.

— Домна из-за меня? — спросил Мирон.

— Домна вошла сама. Но тропа смогла подойти ближе.

— Значит, из-за меня.

— Вина не станет точнее, если взять её целиком. Ты прочитал. Савва дал читать. Кто-то спрятал дощечку в моём навесе. Кто-то раньше разделил формулу так, чтобы никто не знал всей. Разбираться будем по частям.

Олена постучала ногтем по бабушкиному плану.

— И по частям нельзя произносить.

— Пока не знаем, какие слова уже сказаны, нельзя произносить ничего похожего.

— Тогда как проверить?

Яра сняла с полки семь пустых мешочков и разложила на столе.

— Не словами.

Первый мешочек она положила у края плана, где красная линия входила со стороны леса. Во второй сунула обломок сургуча из писарской сумки. Третий накрыла деревянной чашкой, обозначая укрытие. Остальные оставила пустыми.

— Мирон, покажи порядок смыслов. Не называй их.

Писарь переставил мешочки: граница, обещание, укрытие. Потом оставил промежуток и поставил чашку в конец.

— Ты сказал, третье было про укрытие.

— Так мне показалось. Теперь вспоминаю: третье было не само укрытие, а действие.

Когда один закрывает другого собой.

Олена взяла чашку и поставила над мешочком.

В тот же миг под полом хрустнуло.

Ступа качнулась. Из щели рядом с ней вылез тонкий корневой ус и потянулся к чашке.

Все отступили, кроме Яры. Она перевернула чашку открытой стороной вверх. Корень остановился.

— Ему важно расположение, — прошептал Тиш.

— Или смысл действия, — сказала Яра.

Она велела Мирону повторить ряд без слов. Он снова выставил границу, обещание и укрывающую чашку. Корень двинулся быстрее. На его конце набухла прозрачная капля. Она упала на план и растеклась точно по красной линии.

Бумага стала тонкой. Под бабушкиными чернилами проступили другие знаки — старые, почти выскобленные. Не слова, а семь коротких зарубок. Шесть стояли по деревенскую сторону линии. Седьмая — внутри участка Ярино дома.

Семь неоплаченных возвращений.

Олена первой нарушила тишину:

— Это счёт.

Корень рванулся к ней.

Яра ударила ножом по столу перед его концом. Не перерезала — прижала лезвием к доске.

— Не называй вслух то, что видишь.

— Я сказала обычное слово.

— Для нас обычное. Для договора — может быть частью.

Корень дёргался под ножом, не пытаясь обвить руку. Он тянулся к звуку, как росток к свету.

Яра взяла щипцы, сбросила его в щель и вернула половицу. Олена придавила доску ступой и сундуком. Скребущий звук ушёл к печи, потом к наружной стене.

— Оно ищет продолжение, — сказал Мирон.

— Не оно. Наговор.

— Ты только что запретила называть.

— Я назвала вещь, которую мы и так называли много лет. Опасны не все слова. Опасен порядок.

Тиш собрал мешочки, не меняя их очереди, и нанизал на кочергу. Получилась немая строка.

— Можно проверить остальные части так же. Каждый принесёт предмет вместо своего слова.

— Каждый принесёт то, что считает смыслом, — возразила Яра. — А память уже меняется. Вчера Матвей помнил одну часть, сегодня другую. Если выложим неверный порядок, можем показать наговору новый путь.

— Тогда что делать?

— Найти все места, где хранились части. Не спрашивать слова. Смотреть, что рядом изменилось.

Она перечислила на пальцах: печь в канцелярии, сургучная печать, колокол, книга рождений, дощечка, бабушкин план, корень. Мирон добавил стол и дверь, на которых проступали буквы. Олена — сушильный навес, где нашли дощечку.

— До схода меньше ночи, — напомнил Тиш.

— Значит, пойдём сейчас.

Мирон покачал головой.

— Савва никого не пустит в канцелярию.

— Тогда начнём с навеса.

Они вышли во двор. Дождь наконец начался — мелкий, холодный. Лес за домами не был виден, но огромная корзина скрипела там от ветра. Каждый скрип приходил с разных сторон, будто её перекачивали между деревьями.

Под сушильным навесом Олена зажгла второй фонарь. Мирон показал доску у задней стены. Она отличалась от соседних цветом: сухая, светлая, без копоти от травяных дымов.

— Эту я ставила два года назад, — сказала Олена. — За ней не могло быть старой ниши.

— Была, — упрямо ответил писарь.

Олена вынула два гвоздя. Доска отошла легко. За ней оказался целый венец дома, тёмный и гладкий. Никакой ниши.

— Здесь, — Мирон провёл ладонью. — Я просунул пальцы, достал дощечку.

— Покажи движение.

Он сунул руку в узкий зазор между венцом и стойкой. Пальцы исчезли глубже, чем позволяла толщина стены. Мирон вскрикнул и рванул руку обратно. На коже осталась чёрная земля, а между пальцами — клочок бересты.

На бересте была одна свежая буква.

Яра успела увидеть только верхнюю перекладину. Дождь попал на неё, и чернила распустились жилками. Береста свернулась сама собой, обняла писарский палец и затянулась.

— Не читай! — крикнула Яра.

— Тут одна буква!

— Не читай даже её.

Олена разрезала бересту вдоль волокон. Полоска упала и тут же ушла под стену, словно её втянули за нитку.

Из зазора пахло мокрым мхом. За тонкой доской не было леса, однако Яра услышала шелест тысяч прутьев. Огромная корзина за межой продолжала работать. Складывала не грибы, не щепу и не бельё.

Она складывала сказанные слова.

Яра взяла фонарь и поднесла к щели. Внутри, далеко за невозможной толщиной стены, одно над другим висели пять бледных знаков. Не буквы — пустые места от букв, вырезанные в темноте. Шестое место медленно светлело.

— Ты произнёс пять, — сказала она Мирону. — Кто-то после тебя произнёс ещё одно.

— Я никому не говорил.

— Значит, взял не у тебя.

Олена заслонила щель доской.

— Кто знал дощечку кроме вас двоих?

— Прохор видел, как Савва запирает её в ларь. Но текста не видел.

— А тот, кто спрятал её здесь?

Мирон побледнел.

Со стороны деревни ударил колокол.

Один раз.

Звук был глухой, будто язык колокола обмотали корнями. Потом ударил второй раз. Третий.

Ночной сбор созывали только при пожаре, нападении или пропаже ребёнка. Люди открывали двери. По улице побежали огни.

— Савва решил не ждать рассвета, — сказал Тиш.

Яра смотрела на снятую доску. На внутренней стороне, прежде обращённой к стене, проступил мокрый след ладони. Большой палец был испачкан синим.

Мирон прижал свою руку к груди. Его синий палец подходил по размеру, но след был левый. У Мирона чернила въелись в правый.

— В деревне есть ещё человек, который пишет, — сказала Яра.

— Прохор только копирует числа.

— Значит, умеет копировать.

Колокол ударил в четвёртый раз. Из дома под половицами ответил корень: четыре коротких толчка.

Тиш поднял фонарь.

— Если на сходе кто-нибудь скажет свою часть?

— Один скажет — остальные вспомнят, — ответила Олена.

Яра вернула доску на место и забила первый гвоздь рукоятью ножа.

— Поэтому на сходе никто не назовёт наговор.

— Савва тебе не подчинится.

— Мне не нужно, чтобы он подчинился. Нужно, чтобы люди поняли цену раньше, чем откроют рот.

Она забила второй гвоздь. За доской шестое пустое место стало ярче и погасло.

По дороге к звоннице они увидели, что у каждого порога лежит тонкая ивовая ветвь, согнутая в незаконченный круг. Люди перешагивали через них, не замечая. Только Домна стояла босиком под дождём и смотрела на ветку у своего дома.

— Это не моё плетение, — сказала она, когда Яра приблизилась. — Но ошибка моя.

— Какая?

Домна указала на место, где концы не сходились.

— Начинаящий затянул не с той стороны. Если вставить последний прут, корзину поведёт.

Она помнила, как должна выглядеть правильная работа, хотя не могла её выполнить.

Яра подняла ветку щипцами и разогнула. На внутренней стороне коры темнела короткая черта — не буква, а одна из семи бабушкиных зарубок.

— Не трогайте ветви руками, — велела она. — И не повторяйте на сходе ни одного слова, которое считаете частью защиты.

— Тогда что нам говорить? — спросил Матвей из дверей.

— Правду о том, что сделали. Без наговора.

Домна горько усмехнулась.

— Для нашей деревни это и правда будет новая речь.

У звонницы уже собирались люди. Савва стоял на крыльце канцелярии с запёртым ларём у ног. Рядом с ним Прохор держал книгу рождений. Левая рука помощника была обмотана тряпицей.

Яра увидела повязку и поняла, что ночь только началась.

Глава 4. Дом на чужом корне

Савва поднял руку, требуя тишины.

Получил обратное.

Люди спрашивали про Домну, про колокол, про ветви у порогов. Кто-то уже слышал о семи возвращениях, кто-то только сейчас увидел огромную корзину за лесом и решил, что она идёт к деревне. Дождь стучал по крышам и превращал площадь перед канцелярией в жидкую глину. Огни в руках дрожали, лица то возникали, то пропадали.

— Замолчите! — крикнул Савва.

Яра поднялась на нижнюю ступень.

— Не повторяйте пограничных слов. Ни своей части, ни чужой.

Теперь услышали её. Тишина прошла по площади неровной волной. У колодца ещё спорили, возле звонницы уже молчали, затем умолкли и там.

Савва посмотрел сверху.

— Ты решила вести сход?

— Я решила не дать ему открыть границу.

— Кому?

Яра указала на Прохора.

Помощник старосты отступил. Книга рождений качнулась у него в руках. Левая кисть была завернута в серую тряпицу до запястья; на ткани проступало тёмное пятно.

— Руку покажи, — сказала Яра.

— Обжёг.

— Чем?

— Печью.

— Когда?

— Сейчас. Мирон бросил книгу в огонь, я вытаскивал.

Мирон шагнул из-за Яры.

— Тебя там не было.

Прохор облизнул губы. Был он моложе Тиша всего на четыре года, но старательно носил стариковскую безбородую важность: гладко зачёсывал волосы, держал перо за ухом даже на улице, говорил «положено» вместо «надо». Сейчас перо размокло и прилипло к виску.

— Я пришёл после. Увидел дым.

— Я сам вынес жаровню.

— Значит, о дверь ободрал. Какая разница?

— Такая, — ответила Олена, — что на нашей доске остался след левой руки в чернилах.

Толпа придвинулась. Прохор прижал книгу к груди.

Савва сошёл на одну ступень и встал между помощником и людьми.

— Никто не будет хватать человека из-за пятна на дереве.

— Хватать не надо, — сказала Яра. — Нужно, чтобы он развернул тряпицу.

— А если не захочет?

— Межник требует добровольного выбора, не я. У нас проще: Прохор может не показывать. Тогда никто не поверит ни одному числу, которое он переписал за последний год.

Это действовало лучше угрозы. В Молвице терпели чужие тайны, пока тайны не касались меры зерна, податей и границ покоса.

— Покажи! — крикнула мельничиха.

— Пусть покажет!

Прохор поставил книгу на перила и зубами развязал узел. Под тканью не было ожога. Поперёк ладони шёл порез, неглубокий, но длинный. Края раны почернели от чернил. На среднем пальце синело въевшееся пятно.

— Доской порезался, — сказал он.

— Какой? — спросила Яра.

— В канцелярии.

— Левой рукой пишешь?

— Левой считаю, правой пишу.

Мирон взял его за запястье и повернул ладонь к свету. Прохор дёрнулся, но не вырвался.

— Это от бересты, — сказал писарь. — Край тонкий, видишь? Доска рвёт шире.

— Отпусти его, — велел Савва.

Мирон отпустил.

— Прохор, — сказала Яра, — ты произнёс слово с дощечки?

— Нет.

Из-под крыльца донёсся шорох.

Тонкий корень выполз между камнями фундамента канцелярии и лёг на нижнюю ступень. Не потянулся к Прохору, не обвил ногу. Просто появился, словно черта под сказанным.

Люди отступили.

— Он врёт! — выкрикнул кто-то.

— Корень не судья, — возразила Яра. — Мы не знаем, на что он пришёл.

— Ты его защищаешь?

— Я защищаю разницу между тем, что видела, и тем, что придумала.

Савва быстро посмотрел на неё, и Яра поняла: староста ожидал от неё обвинения. Тогда он мог бы назвать её напуганной хозяйкой спорного дома. Осторожность оставляла ему меньше места.

Она указала на книгу.

— Открой страницу, где появилась строка.

Прохор не двинулся.

Мирон взял книгу сам. Кожаная обложка была мокрой, нижний угол обгорел. Страницы слиплись. Писарь перелистал записи о рождениях, смертях, браках, дошёл до чистого разворота и остановился.

На бумаге лежала ивовая ветка.

Тонкая, свежая, согнутая незавершённым кругом.

Мирон захлопнул книгу.

— Этого не было.

— Было, — тихо сказал Прохор. — Когда я взял книгу, уже было.

— Где взял?

— На столе.

— Я унёс её с собой.

Прохор посмотрел на жаровню, которую Мирон принёс в Ярин дом, и, кажется, только теперь понял собственную ошибку.

— Не эту книгу. Другую.

— Другой книги рождений нет.

— Была в ларе.

Савва поставил сапог на крышку ларя.

— Довольно.

— Уберите ногу, — сказала Домна.

Она вышла вперёд. На босые ступни налипла глина. Матвей нёс её сапоги, дочь держала плащ, но Домна ничего не замечала. В руке у неё были три прута, с которыми она вернулась из леса.

— Ты простудишься, — сказал Савва.

— А ты вдруг заболел заботой. Убери ногу.

— В ларе старостинские записи.

— Там моё имя. И ещё шесть имён, если травница не врёт.

— Яра повторяет слова духа.

— Дух вернул меня после того, как я заплатила. Ты что вернул?

Савва побледнел, но ногу убрал.

Корень на ступени повернул к ларю.

Яра присела, не касаясь его. Кора была почти белой, мягкой, с прозрачными волосками, как у молодого корешка, который никогда не видел воздуха. Он выходил не из земли. Между камнями фундамента лежал сухой песок, а корень пробивался прямо из дубового бревна.

— Олена.

Сестра уже стояла рядом с шилом. Поддела волокно ступени и отщепнула тонкую щепку в ладонь. На изломе древесины оказалась живой и влажной. Годовые кольца сходились вокруг светлого корня.

— Он вырос внутри бревна, — сказала она.

— Бревно старое?

— Старше канцелярии. Его взяли от прежнего старостинского дома.

Савва бросил:

— Половина деревни построена из старых брёвен.

— Значит, половину деревни придётся проверить.

Он покачал головой.

— Ты хочешь ночью разобрать все дома?

— Нет. Только узнать, по какой стороне старой межи рубили лес.

Олена подняла щепку к носу, понюхала и передала Яре. Та растёрла влажные волокна пальцами. Смола пахла горько, с холодной примесью, знакомой по ложному столбу Межника.

— Это дерево росло за границей.

— Все деревья когда-нибудь росли за границей, — сказал Савва. — Их для того и рубят.

— Не все продолжают расти в стене.

Корень добрался до ларя и лёг вдоль крышки.

Семь раз стукнул кончик.

Домна пересчитала вслух:

— Семь.

Корень замер.

Яра задержала дыхание. Число не было частью наговора — иначе лес отозвался бы сильнее. Или было, но сказанное Домной не стояло в нужном месте. Каждая проверка могла стать ловушкой, если принять молчание за безопасность.

— Ключ, — сказала она Савве.

— Нет.

— Тогда ларь откроет Олена.

— Это имущество деревни.

— Именно поэтому ты не можешь прятать его от деревни.

Савва оглядел людей. Поддержки не нашёл. Даже Прохор отошёл от него и прижимал раненую ладонь к животу.

Староста достал ключ из-за пазухи.

— Открываем здесь. Ничего не выносить. Ничего не читать вслух.

— Наконец разумное распоряжение, — сказала Олена.

Замок щёлкнул. Корень соскользнул с крышки.

В ларе лежали связки грамот, мерные верёвки, три печати, книга сборов и узкая дощечка, завернутая в промасленную ткань. Под ней виднелся второй переплёт.

Мирон потянулся к нему.

— Не руками, — предупредила Яра.

Олена принесла с крыльца две лучины, подцепила переплёт и положила на крышку. Это и была другая книга рождений — тоньше нынешней, в потемневшей телячьей коже. На застёжке стоял знак прежнего старосты, умершего пятнадцать лет назад.

— Я её никогда не видел, — сказал Мирон.

— Я видел, — признался Савва. — Один раз, когда принимал ларь.

— Почему скрыл?

— Потому что там нет рождений.

Он расстегнул ремешок. На первой странице шёл список из семи имён. Вернее, из семи обрезанных имён. Вместо Домна Ладовна Край стояло «Домна с западного двора». Вместо настоящих родовых имён — ремесло, кличка, цвет крыши. Нижняя строка была старше остальных, чернила выцвели до бурого.

Яра узнала бабушкин почерк.

«Младшая из дома Вежи».

У неё похолодели ладони.

Олена прочитала глазами и закрыла рот рукой. Не из-за неожиданности. Из-за того, что запись превращала их память в доказательство.

— Ты знала? — спросила Яра у Саввы.

— Про тебя — догадывался. Твоя бабушка сказала, что долг закрыт землёй.

— Межник считает иначе.

— Межник не был на её похоронах. Не слышал, что она сделала для деревни.

— Договору всё равно, кто был хорошим человеком.

— А тебе?

Яра посмотрела на строку. Бабушка растила её, учила держать нож, отличать полезную горечь от ядовитой. Ночами сидела у постели, когда Яра болела болотной лихорадкой. Та же рука записала внучку не именем, а положением в доме — как мешок или козу, которую можно отличить по двору.

— Мне не всё равно, — ответила она. — Поэтому я хочу знать точно, что она сделала. Не хуже и не лучше.

Домна заглянула через плечо Мирона.

— Моё имя тоже здесь.

— Тебя уже вернули сегодня, — сказал Савва.

— Сегодня я сама назвалась. А это когда?

Мирон проверил дату рядом с обрезанным именем.

— Двадцать два года назад.

— Когда я за ягодами пропала на два дня.

Матвей нахмурился.

— Ты говорила, ночевала у тётки в Подоле.

— Так мать велела говорить. — Домна провела пальцем над строкой, не касаясь. — Значит, я второй раз платила за одну дорогу?

— За сегодняшнюю, — сказала Яра. — Старый долг остался.

— Тогда что он возьмёт за старый?

Никто не ответил.

За лесом закрипела гигантская корзина.

Ивовые ветки у порогов одновременно затянули незавершённые круги. По площади прошёл сухой частый стук. Люди отскакивали, давили ветви сапогами, но те переплетались сами.

Прохор застонал.

Через повязку на его руке пророс тонкий зелёный побег.

Яра разрезала ткань. Побег не выходил из раны — он обвил кисть снаружи и вошёл между пальцами. На каждом листке проступала одна чёрная черта.

— Не дёргай, — сказала она.

— Сними!

— Что ты прочитал?

— Ничего.

Побег затянулся. Прохор вскрикнул.

— Он не умеет отличать ложь, — напомнила Яра. — Но твоя рука умеет. Что ты сделал ею?

— Взял бересту.

— Где?

— В ларе.

Савва резко повернулся.

— Когда?

— После вас. Вы с Мироном ушли, ключ остался в замке. Я хотел понять, из-за чего вы испугались.

— Что было на бересте?

— Одно слово.

— Не произноси его, — сказала Яра. — Что оно делало?

Прохор зажмурился.

— Отделяло своё от чужого.

Корень под крыльцом ударил по камню.

— Ты сказал его вслух?

— Только раз. Чтобы запомнить.

Шестое пустое место за стеной стало понятным. Прохор не продолжил Миронову строку намеренно. Он нашёл отдельный обломок, но лес сложил его следом за пятью словами.

— Где береста?

— Порезала меня и провалилась между досками. Я полез, но там была земля. В канцелярии, под полом. Я испугался, взял старую книгу и хотел сравнить почерк.

— Потом?

— На чистой странице появилась ветка. Я понёс книгу Савве.

— Почему сказал, что книга лежала на столе?

— Потому что он велел не говорить про ларь.

Люди повернулись к старосте.

Савва выдержал взгляд Домны, мельничихи, Матвея, Мирона. На Яре задержался дольше.

— Я хотел дожить до утра, прежде чем деревня начнёт рвать себя на части.

— Для этого созвал сход ночью? — спросила Олена.

— Колокол ударил сам.

Будто подтверждая, язык колокола качнулся. Удар не прозвучал. Вместо него под землёй прошёл низкий гул.

Из окон канцелярии посыпалась замазка. Крыльцо поднялось на толщину ладони и опустилось. Корень внутри ступени раздулся, раскалывая старое бревно.

По площади побежала трещина.

Она шла не прямо. Огибала колодец, пересекала дорогу, ныряла под сарай, появлялась у Яриного двора. Вода заполняла её, делая линию чёрной и блестящей.

— Старая межа, — сказала Олена.

На этот раз корни не бросились к слову. Им не требовалось. Земля уже произнесла его сама.

Линия разрезала деревню так, как не показывал ни один нынешний план. Канцелярия оставалась с людской стороны. Колодец — тоже. Домна стояла одной ногой по каждую сторону и поспешно переступила к мужу.

Дом Яры оказался за чертой целиком.

Не только сушильный навес и северный угол. Крыльцо, печь, грядки, яблоня, сарай — всё стояло на земле леса. Красная линия бабушкиного плана не ошибалась. Ошибалась деревня, много лет считавшая новую верёвку старой границей.

От Яриного дома донёсся треск.

Олена побежала первой. Яра следом. Тиш не отстал, хотя она крикнула ему остаться. Позади топали люди, но у чёрной линии многие остановились.

— Это ещё деревня! — крикнула Яра.

Слова прозвучали как просьба, а не факт.

Она перепрыгнула трещину. Земля под сапогом пружинила. В огороде поднимались белые корни, вытаскивая из почвы колышки и сухую ботву. Они не ломали растения. Обходили их с той внимательностью, с какой лес обошёл Домнин напёрсток, не названный ценой.

Крыльцо перекошилось. Нижнее бревно дома разошлось вдоль, и из него вырос целый пучок тонких корней. Они спускались к земле, как палыцы, ищущие опору.

Олена приложила ладонь к стене.

— Дом поднимает себя.

— Куда?

Ответ пришёл скрипом из леса.

Огромная корзина качнулась над деревьями. Её край показался выше ольшаника, тёмный на фоне облаков. От края к Яриному дому тянулись семь плетёных канатов.

Первый уже лежал на крыше.

Тиш поднял голову.

— Она хочет сложить дом внутрь.

Яра увидела то же самое. Лес получил Домнино умение и нашёл для него назначение. Корзина собирала сказанные части наговора, старые долги, вещи со спорной земли. Не потому, что ненавидела людей. Потому что умение плести было нужно для того, чтобы соединять отдельное и переносить собранное.

— Топор! — крикнула Олена.

Тиш сорвал с её пояса малый топор и подал рукоятью вперёд. Олена рубанула канат на крыше. Лезвие отскочило, оставив неглубокую вмятину. Прутья затянули её на глазах.

— Не режется, — сказала она.

— Потому что это Домнино умение, а не её прутья.

Яра вбежала в дом. Ступа валялась на боку. Половица поднялась, и светлый корень обвил бабушкин ларь. Не тащил его наружу — удерживал на месте, пока весь дом готовился сдвинуться.

Она схватила сумку с лекарствами, зимний плащ, связку ключей. Потом остановилась. Если начать выносить вещи, она признает дом потерянным. Если не вынести, лес заберёт всё вместе с ним.

На стене висела бабушкина сушильная рама. Под потолком — травы на всю зиму. В шкафу — записи трёх поколений. Каждая вещь требовала первой руки.

— Яра! — позвала Олена снаружи. — Выходи!

Второй канат лёг на крышу.

Она взяла не ларь и не травы. Сняла со стены маленькие весы. Бабушка учила на них отмерять сильные порошки, когда Яра ещё не доставала до стола. Весы не принадлежали земле, не держали формулу, не доказывали ничью правоту. Это был инструмент, которым можно пользоваться в любом доме.

Яра сунула их в сумку и вышла.

У крыльца стояла Домна. Матвей держал её за плечо, но она оттолкнула его и подошла к плетёному канату.

— Это сделано моими руками, которых у меня больше нет, — сказала она.

— Не трогай.

— Я не умею плести. Но вижу ошибку.

Она показала место, где один прут проходил поверх трёх соседних.

— Корзина начала с края, не с дна. Поэтому всё держится на временной затяжке. Убери её — распустится первый ряд.

— Ты можешь убрать?

Домна подняла руки. Пальцы дрожали и не находили нужного захвата.

— Могу показать.

Олена вложила топор ей в ладонь.

— Не рубить. Укажи обухом.

Домна долго примерялась, дважды касалась не того места, злилась, начинала снова. Наконец упёрла обух в узкий зазор.

— Здесь.

Олена просунула стамеску и вывернула поперечный прут.

Канат вздрогнул. По нему прошла волна к лесу. Первый ряд на крыше ослаб и осыпался отдельными ветвями. Люди закричали от радости.

— Молчать! — одновременно крикнули Яра и Савва.

Крик сам был безопасен. Опасно было то, что люди начинали повторять привычные защитные слова от испуга.

Олена выдернула второй прут. Домна направляла её короткими жестами. Навык не вернулся, но память позволяла увидеть результат и объяснить чужим рукам. Лес забрал способность делать, а не всю ценность прожитых лет.

Плетёные канаты ослабли. Корзина за ольхами накренилась, но не распалась. Она отпустила дом на эту ночь.

Корни под крыльцом перестали поднимать брёвна.

Савва подошёл к чёрной линии и не переступил.

— До утра выставим стражу.

— С какой стороны? — спросила Олена.

Староста не ответил.

Яра стояла во дворе, который ещё утром считала своей самой надёжной вещью. Теперь между ней и деревней лежала тонкая трещина с дождевой водой. Её можно было перешагнуть, но нельзя было сделать вид, что её нет.

Тиш осторожно поднял одну из распавшихся ветвей. На коре проступила новая зарубка — не одна из семи. Две короткие черты пересекались под углом.

— Что это значит? — спросил он.

Савва увидел знак и впервые за ночь потерял лицо. Не побледнел, не рассердился — испугался так явно, что люди вокруг заметили.

— Ничего, — сказал он.

Корень у его сапога шевельнулся.

Яра показала Тишу опустить ветку.

— Это старостинская отметка переноса границы, — сказала Олена. — Ею помечают новый камень до общего схода.

Все посмотрели на Савву.

— Когда передвинули межу? — спросила Яра.

Он молчал.

— Межник сказал: наша сторона. Бабушка получила северный локоть двадцать семь лет назад. Но новый камень кто-то должен был поставить руками. Когда?

Савва глядел на дом за чёрной линией.

— Семнадцать лет назад.

— После смерти прежнего старосты.

— Через месяц.

— Ты уже был его помощником.

— Был.

— Кто ставил камень?

— Я.

Дождь шумел по листьям. В лесу корзина медленно выпрямлялась, начиная работу заново.

— Почему? — спросила Яра.

Савва указал на старую трещину, на её дом, на всю землю между прежней и нынешней границей.

— Потому что иначе пришлось бы признать, что семь дворов, северный колодец и твой дом стоят не в Молвице. Пришлось бы разобрать их или рассказать людям, какой ценой они остались. Прежний староста умер. Твоя бабушка уже не могла ответить. Я решил, что камень делает землю нашей.

— Камень только показывает решение, — сказала Олена. — Не создаёт его.

— Теперь я знаю.

Яра шагнула через трещину к Савве. Оставила дом за спиной.

— Ты знал про долг.

— Знал про спор. Не про семь возвращений.

— Но прятал книгу.

— Потому что имена были неполными. Я думал, если никто не повторит их, взыскать будет нельзя.

— Ты сделал то же, что бабушка. Назвал молчание защитой, когда оно защищало твоё решение.

Савва поднял на неё усталые глаза.

— А ты что сделаешь? Расскажешь всё до последнего слова и откроешь лесу дорогу? Иногда тайна держит крышу над людьми.

За Ярой скрипнул её дом. Одно бревно осело на место, другое осталось поднятым корнями.

— Иногда, — сказала она. — А иногда люди просто живут под чужой крышей и называют её своей.

На рассвете старая межа уже не была трещиной. По всей её длине из земли вышли белые корни и легли рядом, сплетаясь в низкий живой вал.

У Яриногo крыльца вырос первый межевой лист — узкий, бледный, с семью чёрными прожилками.

Глава 5. Межник считает буквально

К полудню белый вал вокруг спорной земли поднялся Яре до колена.

Корни росли не вверх и не вширь, а будто перебирали сами себя. Один вылезал из мокрой земли, ложился вдоль старой межи, другой обвивал его, третий затягивал промежуток. На каждом седьмом листе проступали чёрные жилки. Яра срезала один такой лист ещё на рассвете, положила между двумя дощечками и придавила ступкой. Через час дощечки срослись по краям тонкими волокнами. Лист остался внутри.

Теперь ступка стояла на столе в доме, а достать её можно было только вместе с куском столешницы.

— Не трогай больше ничего, что он вырастил, — сказала Олена.

Она сидела на крыльце и точила стамеску. После бессонной ночи лицо её стало серым, под глазами легли тени, зато руки двигались как всегда: камень, масло, лезвие, большой палец поперёк кромки. Когда привычный порядок сохранялся хотя бы в руках, Олена делалась спокойнее.

— Я хотела узнать, можно ли засушить лист, — ответила Яра.

— Узнала.

— Узнала, что он не хочет лежать между досками.

— И что у нас стало одной ступкой меньше.

Тиш вынес из дома котёл с горячей водой. Он не спросил, куда ставить: люди с утра держались по деревенскую сторону белого вала, а вся посуда оставалась по лесную. Тиш поставил котёл прямо на вал.

Корни под днищем разошлись, не коснувшись железа.

— Железа избегает, — сказал он.

— Не избегает, — поправила Яра. — Не забирает. Пока.

— Это разные вещи?

— Для Межника — наверняка.

Она зачерпнула воду ковшом и перелила в глиняный кувшин, который Домна протянула через вал. Кувшин прошёл свободно. Следом Матвей взял мешок овсяной муки, а мельничиха — связку сушёного лука. Они переносили припасы из Яриногo погреба так, словно дом уже горел. Яра запрещала себе спорить. Ночью она выбрала весы вместо ларя; утром поняла, что один хороший выбор не делает её готовой потерять всё остальное.

Сама она вынесла записи о лихорадках, короб с перевязочным полотном и два пузырька настойки маковых головок. Корни пропустили каждый предмет. Когда Олена потянула через вал бабушкину сушильную раму, белые плети поднялись и удержали деревянный угол.

— Отпусти, — сказала Яра.

Олена потянула сильнее. Корни не сдавили раму и не рванули её к дому. Просто стали неподвижными.

— Это дерево с той стороны, — сказала Домна.

— Раму делал отец, — возразила Олена. — Из нашей ольхи.

— Нашей по какому камню?

Олена перестала тянуть.

Яра провела ногтем по стойке. На сером дереве проступил маленький косой знак — такой же, какой Тиш нашёл на распавшемся канате. Метка переноса. Отец взял ольху со спорной полосы уже после того, как Савва передвинул камень.

— Оставь, — сказала Яра.

— Это всего лишь рама.

— Тогда тем более не стоит ломать человеку руки ради неё.

Олена отпустила. Корни мягко поставили раму на траву с лесной стороны.

Люди это увидели. По дороге от площади шли всё новые соседи, и каждый нёс вещь, про которую хотел спросить. Ведро из северного колодца. Детскую скамейку из спорного двора. Рубанок, выменянный у плотника из Подола, но много лет хранившийся в сарае за старой межой. Две женщины тащили дверь, снятую с петель. Савва пытался ставить людей в очередь и записывать вопросы, но очередь расплзалась вокруг него.

— Межа не торговый ряд, — сказал он в третий раз. — Назад понесите.

— Куда назад? — спросила хозяйка двери. — Дом у меня там, а печь здесь. Я хочу знать, где мне ночевать.

— Пока в своём доме.

— Он свой по твоему камню или по корню?

Савва не ответил.

Яра заметила, что он ни разу не переступил белый вал. Ночью он стоял у чёрной трещины, утром обходил спорную полосу по краю, теперь принимал вещи только с деревенской стороны. Возможно, считал это осторожностью. Возможно, боялся, что земля узнает человека, вбившего ложный камень.

— Унесите всё, — сказала Яра громко. — Межник обещал прийти к полудню. Если завалить межу вещами, он будет отвечать про вёдра, а не про людей.

— Он тебе обещал? — спросил Мирон.

Писарь держал под мышкой скрытую книгу. Листы он переложил сухим полотном, обложку обвязал ремешком. Старый список с семью неполными именами лежал теперь между чистыми страницами, чтобы никто случайно не прочитал соседнюю строку вслух.

— Нет, — сказала Яра. — Он сказал: когда свет сравнивает две стороны камня.

— Это не обязательно полдень.

— Вот и узнаем, что он считает сторонами.

Солнца за облаками не было. У нового северного камня свет никогда не мог сравнивать стороны: один бок закрывала старая ель. У настоящей межи камня не осталось вовсе, только пустая яма возле Яриноного огорода. Туда и стекались белые корни.

Тиш воткнул в землю прямую палку и с утра отмечал тень. К полудню тень стала короткой, но не исчезла. Она легла точно вдоль корневого вала, не выбирая ни лес, ни деревню.

— Сейчас, — сказал он.

В чаще семь раз щёлкнули ветви.

Не громко. Люди продолжали перешёптываться, пока Домна не подняла руку. Тогда звук повторился ближе. Семь сухих щелчков, разделённых одинаковыми промежутками.

Из-за Яриноного дома вышел Межник.

Ночью его плащ казался корой. При дневном свете Яра увидела, что он сложен из множества узких полос: берёза, ольха, ель, осина, ива, каждая со своим цветом и рубцами. Полосы не были сшиты. Они держались краями, как древесные слои в живом стволе. На месте лица лежала тень, но из неё смотрели два светлых глаза.

Он подошёл к валу с лесной стороны. Белые корни разом перестали шевелиться.

Савва выступил вперёд.

— Ты явился на землю Молвицы.

— Я стою на земле леса, — ответил Межник.

Голос у него не стал громче, однако разговоры стихли до самого колодца.

— Эта земля обжита нами, — сказал Савва.

— Это верно.

— На ней стоят наши дома.

— Это верно.

— Значит, она наша.

— Это неверно.

Савва сжал губы. Яра почти пожалела его: с Межником невозможно было спорить привычным способом. Он не сердился, не уступал ради мира, не подхватывал удобную половину мысли. Каждую фразу клал отдельно, словно мерил на ладони.

— Ты требуешь плату за семь возвращений, — сказала Яра. — Назови людей.

— Их назвали неполно.

— Назови так, как они были названы.

— Тогда назову неполно.

— Назови неполно.

Межник повернул голову к Мирону.

— У вас есть запись.

Писарь прижал книгу крепче.

— Мы не станем читать её вслух.

— Я не просил.

— Тогда зачем смотришь?

— Чтобы ответить тому, кто спросил.

Мирон растерялся. Яра поняла первой.

— Он не может назвать их иначе, чем называли мы. Имена лежат в книге.

— Ты вчера назвал меня Ярой Вежей, — сказала Домна. — Значит, знаешь полные имена.

— Знаю.

— Почему не скажешь?

— Вы спросили, кого называли неполно. Полные имена не отвечают на этот вопрос.

Домна выругалась. Межник не обратил внимания.

Яра подошла ближе к валу.

— Семь неполных имён — это семь долгов?

— Семь неверно завершённых возвращений.

— Домна уже отдала умение плести, когда вернулась вчера. Её старое имя в книге.

Сколько она должна теперь?

— Нисколько за вчерашнее возвращение.

— За старое?

— Одно умение.

Матвей встал рядом с женой.

— Ты дважды хочешь взять с неё цену за одну жизнь?

— Она дважды заблудилась. Она дважды была возвращена.

— Первый раз ребёнком!

— Нет.

Домна подняла подбородок.

— Мне было двадцать.

— Ты говорила, мать велела молчать, — сказал Матвей.

— Матери я всегда была ребёнком.

Межник ждал. Его неподвижность торопила сильнее крика.

— Если она не отдаст второе умение? — спросила Яра.

— Старое возвращение останется неверно завершённым.

— Что это значит для неё сейчас?

— Ничего.

По людям прошёл шум.

Савва ухватился за ответ:

— Значит, требования нет.

— Требование есть.

— Ты только что сказал, что для Домны ничего не случится.

— Для Домны — ничего.

— Тогда для кого?

Межник опустил ладонь на белый вал. Семь чёрных жилок на ближайшем листе налились цветом.

— Для границы.

Корни дрогнули по всей длине, от огорода до северного колодца. Под спорными домами закрипели половицы. Хозяйка двери ахнула и перекрестилась.

— Объясни простыми словами, — сказала Яра. — Без строк договора.

Светлые глаза остановились на ней.

— Возвращение меняет две вещи. Человек перестаёт принадлежать лесной дороге. Лес получает умение. Ваши люди забрали первое и не дали второго. Поэтому семь раз человеческий путь был завершён, а лесной — нет. Незавершённое осталось у межи. Пока долг не закрыт, межа не может отделить взятое от оставленного.

— Поэтому дом тянет в корзину?

— Дом стоит на взятом.

— А другие шесть дворов?

— Стоят на взятом.

— Колодец?

— Вырыт во взятом.

Савва сказал:

— Мы перенесли камень, но землю не уносили.

— Вы перенесли границу.

— Камень.

— Камень, который вы считали границей.

— Значит, ты признаёшь новый камень?

— Признаю, что вы его поставили.

Яра увидела, как Савва понял ловушку. Межник не спорил с фактом. Он отказывался принять смысл, который староста пристёгивал к факту.

— Что произойдёт, если не отдать семь умений? — спросила она.

— Взятое вернётся туда, откуда взято.

— Когда?

— Оно уже возвращается.

— За сколько дней?

— День — человеческая мера.

— Мы люди. Ответ в нашей мере.

Межник посмотрел на палку Тиша. Тень успела пересечь белый вал и теперь лежала лесной стороной.

— Когда тень этой палки девять раз ляжет по обе стороны и в девятый раз исчезнет в темноте, отделение завершится.

Тиш быстро посчитал на пальцах.

— Девять дней, если сегодняшний первый.

— Если каждый день будет, — сказал Межник.

— День будет независимо от облаков, — возразил Тиш.

— Для тебя.

Яра положила руку ему на плечо, не давая продолжить. Спор мог растянуться до ночи и не приблизить их к ответу.

— Какие семь умений ты требуешь?

— Принадлежащие тем, кто их отдаёт. Использованные ими. Нужные другому. Названные добровольно.

— По одному за каждого из списка?

— Семь за семь.

— Домна обязана отдать второе?

— Нет.

— Я обязана отдать за себя?

— Нет.

Олена резко вдохнула. Яра не повернулась к ней.

— Тогда любой человек может дать умение за старый долг?

— Да.

— Даже тот, кого не возвращали?

— Да.

— Одно умение может закрыть два долга?

— Нет.

— Один человек может отдать два умения?

— Если оба его, оба использованы, оба нужны другим и каждое названо добровольно.

Мельничиха выступила из толпы.

— Возьми моё умение считать меру зерна.

Яра успела схватить её за локоть прежде, чем женщина сделала шаг к валу.

— Не называй цену полностью.

— Я уже назвала.

— Не сказала, за кого и зачем.

Межник подтвердил:

— Она предложила. Не оставила.

Мельничиха выдернула руку.

— Да что ещё нужно? Я всю жизнь мерила муку. Без меня дочь умеет. Пусть берёт.

— Кому нужно твоё умение? — спросила Яра.

— Всем, кто покупает хлеб.

— Тебе самой оно нужно?

— А это его не касается.

— Меня касается. Ты решила за один вдох, перед всей деревней, потому что твой дом стоит на спорной земле.

— Вот именно поэтому и решила.

— Это страх, а не свободный выбор.

— Ты вчера позволила Домне.

Домна ответила сама:

— Я сидела в лесу двое суток и знала, что оставляю. Не сравнивай.

— Отдала корзины, а теперь указываешь плотнику, как распускать плетение. Может, цена и не такая большая.

Домна шагнула к мельничихе. Матвей удержал её за пояс.

Межник наблюдал без интереса. Для него ссора, видимо, не отличалась от дождя: происходила по своим причинам, но не меняла слов.

— Если человек предложит умение от страха, ты примешь? — спросила Яра.

— Страх не отменяет выбора.

— А если его заставят соседи?

— Чужое давление не делает слово добровольным.

— Как ты отличишь одно от другого?

— По тому, принадлежит ли сказанное говорящему.

— Я спрашиваю не про умение.

— Я отвечаю не про умение.

Яра замолчала. Ответ был неприятным и точным. Межник считал добровольным не спокойное решение и не решение без страха. Он искал слово, за которое человек готов отвечать как за своё. Мельничиха могла страшиться потери дома и всё же выбирать сама. А могла повторять то, что от неё ждала толпа. Определить это заранее Яра не умела.

— Не сегодня, — сказала она женщине. — Возьми ночь. Попробуй сделать всё, что делаешь своим умением. Посмотри, кому придётся учиться вместо тебя. Утром назовёшь снова, если захочешь.

— За ночь корни ещё вырастут.

— Вырастут. Но отданное не отрастёт.

Мельничиха посмотрела на вал, на свой дом, на дочь и отступила.

Савва заговорил прежде, чем кто-то другой успел предложить себя:

— Семь умений закроют долг и оставят землю людям?

— Нет.

По толпе будто прошёл порыв ветра.

— Ты сказал, незавершённые возвращения мешают отделить взятое, — произнёс Савва.

— Мы завершим их. Значит, отделение остановится.

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы взяли землю отдельно.

Савва вскинул руку на Ярин дом.

— Но ты связываешь одно с другим!

— Вы связали.

— Кто?

— Та, кто назвала младшую из дома Вежи, затем отдала северный локоть вместо умения.

Те, кто приняли землю. Тот, кто перенёс камень. Те, кто жили по новому камню.

Каждая фраза ложилась на площадь отдельным грузом. Яра услышала тихий плач у себя за спиной. Хозяйка двери прижала ладонь ко рту.

— Моя бабушка сказала: «возьми северный локоть», — проговорила Яра. — Ты принял землю как плату?

— Лес принял предложенное.

— Тогда почему долг за моё возвращение остался?

— Земля не была её умением.

— Но ты взял её.

— Да.

— Не закрыв долг.

— Да.

— Ты знал, что она ошибается.

— Она не спрашивала.

Олена вскочила. Стамеска выпала из её руки и воткнулась в грязь.

— Ты стоял там и слышал, как ребёнок предлагает тебе чужую землю вместо своего умения!

— Я слышал.

— И промолчал.

— Да.

— Это обман.

— Нет.

— Ты мог сказать!

— Мог.

Спокойное согласие остановило её сильнее возражения.

Яра вспомнила лесную поляну и Домну у ложного столба. Межник отвечал на поставленные вопросы, не добавляя того, что могло бы изменить выбор. Не лгал. Не помогал. Его честность была острым инструментом без рукоятки: взять можно, но ладонь порежешь.

— Почему лес принял землю, если она не годилась в уплату? — спросила Яра.

— Потому что её предложили.

— Ты принимаешь всё предложенное?

— Нет.

— Что принимаешь?

— То, что принадлежит лесу или может принадлежать лесу.

— Земля уже принадлежала лесу.

— Да.

— Значит, бабушка отдала тебе твоё.

— Нет. Она отказалась от человеческого требования на северный локоть. После этого лес перестал быть связан вашим требованием.

Мирон зашуршал страницами, но Яра жестом остановила его. Записывать ответы по отдельности было безопаснее, чем складывать их рядом с частями формулы, однако сейчас любой скрип пера заставлял людей оглядываться.

— А потом деревня снова заявила требование, передвинув камень, — сказала Яра.

— Да.

— Семь умений закроют только семь возвращений. Чтобы сохранить дома, нужна отдельная плата?

— Нет.

— Почему?

— Земля не человек. Её не возвращают за умение.

Савва заговорил хрипло:

— Тогда что нужно?

— Убрать человеческое с лесной земли или сделать лесную землю человеческой по договору.

— Как сделать по договору?

— Назвать условие.

Белые корни у ног Межника приподнялись. Вдалеке заскрипела огромная корзина. Яра почувствовала, как люди вокруг перестали дышать.

— Какое условие? — спросил Савва.

Межник смотрел на него и ждал точного вопроса.

— Не отвечай, — сказала Яра.

Староста повернулся к ней.

— Это наши дома.

— Он ведёт тебя к формуле.

— Я не прошу формулу. Я спрашиваю условие земли.

— А если условие — часть формулы?

— Тогда мы узнаем часть.

— Шесть частей уже сказаны. Корзина их собирает.

— Мы всё равно должны узнать, как оставить дома.

— Узнать — да. Произнести здесь — нет.

Межник перевёл взгляд с одного на другую.

— Вопрос задан? — спросил он.

Савва открыл рот.

Мирон захлопнул книгу так резко, что ремешок лопнул.

— Нет, — сказал писарь. — Вопрос не задан.

Корни опустились.

Савва шагнул к нему, но между ними встал Тиш.

— Девять дней, — сказал он. — За один час мы уже едва не отдали мельничиху и едва не назвали седьмое слово. Может, хватит на сегодня едва.

— Не лезь во взрослый сход, — бросил Савва.

— Тогда взрослые пусть не лезут в лес как дети.

Яра ждала, что староста ударит его. Савва лишь провёл ладонью по лицу.

— Хорошо. Про землю спросим после того, как разберём книгу.

— Книгу будешь разбирать не ты один, — сказала Домна.

— Не один.

— И не в запертой канцелярии.

— Не в запертой.

Межник повернулся к лесу.

— Стой, — сказала Яра. — Когда будут приняты семь умений, что изменится сразу?

Он остановился.

— Семь неверных возвращений станут завершёнными.

— Что изменится для границы?

— Она сможет отделить человеческое от лесного.

— Сейчас не может, и поэтому корни берут всё подряд?

— Нет.

Яра заставила себя не злиться.

— Что именно она сможет сделать после уплаты?

— Вернуть лесное лесу, не удерживая человеческое, стоящее на нём.

Олена первой поняла.

— Дома можно разобрать и вынести.

— Да.

— А сейчас?

— Сейчас взятое и поставленное на взятом связано.

Яра посмотрела на сушильную раму, которую корни не пропустили, и на весы в своей сумке. Отдельные человеческие вещи вал пропускал. Дерево, взятое со спорной земли, удерживал. Дом целиком был связан с участком фундаментом, печью, погребом, годами жизни. После семи уплат связь ослабнет. Они не сохраняют землю, но смогут сохранить часть построенного на ней.

— Девять дней относятся к земле, — сказала она. — А когда нужно отдать умения?

— До того, как вы захотите отделить своё.

— Значит, можно отдать семь умений в последний день?

— Можно.

— И успеть разобрать семь дворов?

— Если умеее.

Олена вытащила стамеску из грязи и вытерла о колено.

— Умеем. Но не за один день.

Межник посмотрел на её руки.

— Пока умеее.

Угроза прозвучала только потому, что все уже думали об умениях как о плате. Сам Межник ничего не предлагал. Олена спрятала руки за спину.

— Никто не отдаёт плотницкое умение, — сказала Яра.

— Ты не можешь решать за всех, — возразил Савва.

— За неё не могу. Могу напомнить всем: если отдать то, чем мы собираемся спасти дома, семь завершённых долгов нам не помогут.

Межник сделал шаг в сторону чащи.

— Последний вопрос, — сказала Яра. — Если мы найдём людей из списка, они имеют больше права закрыть свой долг, чем другие?

— Право не измеряется больше и меньше.

— Ты примешь умение другого человека без согласия возвращённого?

— Да.

— А без его ведома?

— Да.

Домна побледнела.

— Значит, кто-то может заплатить за меня, а я узнаю потом?

— Да.

— И я не смогу вернуть ему умение?

— Нет.

Вот где буквальность становилась опаснее корней. Лес не требовал согласия того, чей старый долг закрывали, потому что забирал собственность добровольца. Можно было тайно пожертвовать собой ради любимого. Можно — ради человека, который никогда не просил и потом всю жизнь будет носить чужую потерю как вину.

— Мы составим список тех, кто предлагает умение, — сказала Яра людям. — И не отдадим ни одного тайно. Сначала узнаем, кого вернули, кому нужен этот навык сейчас и что случится после утраты.

— Ты поставишь себя у Межника вместо двери? — спросил Савва.

— Нет. Но если кто-то хочет отдать часть жизни ради общего долга, пусть хотя бы не делает этого в одиночку и с закрытыми глазами.

— Закрытые глаза не мешают добровольности, — заметил Межник.

— Тебе — нет. Нам — мешают.

Он склонил голову. Не в знак согласия. Скорее отметил ещё одно различие, не заслуживающее спора.

Затем переступил через корни, прошёл мимо Ярино дома и исчез между яблоней и стеной. Не растворился: Яра видела полосы плаща, пока они не совпали одна за другой с корой деревьев.

Когда он ушёл, люди заговорили все сразу.

Савва назначал сход в канцелярии. Домна требовала назвать семь полных имён. Хозяева спорных дворов хотели начинать разбирать крыши немедленно. Мельничиха обещала к утру решить насчёт счёта зерна. Кто-то предложил умение свистеть, и трое разом закричали, что свист никому не нужен. Старик Неждан заявил, что умеет предсказывать дождь коленом. Межник такого не возьмёт, ответили ему. Неждан обиделся и принялся доказывать, сколько покосов спас.

Яра поднялась на вал.

Корни выдержали её вес. С этой высоты она увидела белую линию целиком: семь дворов, северный колодец, край канцелярского сарая и её дом. Не одна бабушкина уловка. Не одна Саввина ложь. Двадцать семь лет решений, каждое из которых казалось малым, пока лес не сосчитал их вместе.

— Слушайте! — крикнула она.

Шум стих не сразу.

— До вечера никто не называет Межнику умение. Мирон переписет неполные имена знаками, без слов формулы. Домна и ещё двое проверяют список. Олена осмотрит спорные дома и скажет, что можно разобрать после уплаты. Тиш соберёт сведения о тех, кто готов предло-

жить навык, но без точных слов отдачи. Каждый предложивший должен показать, что именно он умеет и кто зависит от его рук.

— А ты? — спросила мельничиха.

Яра посмотрела на свой дом.

— Я узнаю, какие растения растут по старой меже и почему корни пропускают одни вещи, а другие держат.

— Опять будешь резать листья? — спросила Олена.

— Нет. На этот раз сначала посмотрю.

Люди начали расходиться по поручениям, продолжая спорить. Савва не возражал. Он стоял у пустой ямы старого камня и глядел туда, где исчез Межник.

Тиш подошёл к Яре с палкой, по которой считал тень.

— Он сказал, что в девятый раз тень исчезнет в темноте. Это значит до заката девятого дня или после?

— Не знаю.

— Надо спросить.

— Надо. Но не сейчас.

— Почему?

— Потому что сегодня мы уже получили ответы, от которых едва не сделали три неправимые вещи. Ответ — тоже цена, если не успеть понять вопрос.

Тиш провёл пальцем по зарубкам на палке.

— Он считает буквально.

— Да.

— А мы как?

Яра посмотрела на мельничиху, которая шла домой рядом с дочерью и впервые за много лет позволяла той нести мерный совок. На Домну, показывающую Мирону, где в старой книге стоит её обрезанное имя. На Олену, уже измерявшую венцы чужого дома и сердито отгонявшую хозяина от гнилой балки.

— Мы считаем людьми, — сказала она. — Поэтому нам придётся считать дольше.

Под вечер белый вал выпустил новые листья. Чёрных прожилок на каждом было семь, но Яра заметила возле своего крыльца восьмую — тонкую, почти прозрачную.

Она позвала Тиша и не стала к ней прикасаться.

Восьмая жилка наливалась медленно, с каждым ударом топора на спорном дворе. Олена снимала первую доску с крыши, проверяя, отпустят ли корни отдельную древесину.

Корни доску не отпустили.

Они обвили её край и притянули обратно.

А прозрачная жилка стала чёрной.

Глава 6. Сестра без песни

Олена ударила обухом по доске ещё раз.

Корни не отпустили.

Они лежали на крыше тонкими белыми пальцами, входили под дранку и оббивали каждый деревянный гвоздь. Не ломали, не мяли. Просто держали так, что доска и дом стали одним предметом.

На листе у крыльца восьмая жилка почернела до середины.

— Хватит, — сказала Яра.

Олена ударила в третий раз.

Доска треснула. Свободный конец остался у неё в руках, второй корни втянули под дранку. Жилка налилась до края.

Из леса донёсся короткий звук.

Не щелчок ветви и не скрип корзины. Одна чистая нота, высокая и ровная, прошла над крышами. Яра слышала её прежде: иногда ветер попадал в пустую развилку старой осины и заставлял древесину петь. Но сейчас воздуха не было. Дым над спорными дворами поднимался прямо.

Олена побледнела.

— Ты узнала? — спросила Яра.

Сестра бросила обломок доски.

— Нет.

В лесу прозвучала вторая нота, ниже первой. Потом третья. Простая мелодия из трёх звуков, какую мать напевала над тестом, когда им было по пять и девять лет.

Олена спустилась с крыши так быстро, что едва не сорвалась с лестницы. На земле оттолкнула протянутую руку Тиша.

— Я сказала, не узнала.

— А лес сказал иначе, — ответила Яра.

— Лес много чего говорит чужим голосом.

— Этим голосом он не говорил.

Олена собрала инструменты, сунула стамеску за пояс, топор отдала хозяину двора и пошла к дороге. Яра догнала её у белого вала.

— Куда?

— Работать. Если семь домов надо разобрать, нужно знать, какие венцы целы.

— Корни не дают.

— Значит, осмотрю без разборки.

— Восьмая жилка появилась из-за тебя.

— Она появилась из-за доски.

— А песня?

Олена переступила вал. Корни под её сапогом дрогнули, но не поднялись.

— Я не умею петь.

— Я знаю.

— Тогда не проси.

Яра остановилась.

Она действительно собиралась попросить. Не песню целиком — один звук, попытку, доказательство. Так она просила больных согнуть палец, сделать шаг, назвать число вдохов. Но Олена не была больной, а её утрата не была Яриным случаем для проверки.

— Не прошу, — сказала Яра. — Хочу знать, что произошло в тот день.

— Уже знаешь. Ты заблудилась. Я отдала пение. Ты вернулась.

— В книге моё возвращение осталось неверным.

Олена обернулась.

— Значит, Межник врёт.

— Он не врёт.

— Тогда книга врёт.

— В ней бабушкин почерк.

— Бабушка могла записать раньше, чем я заплатила.

— Могла. Поэтому и надо вспомнить порядок.

Олена посмотрела на людей у межи. Никто будто не слушал, но Мирон перестал листать книгу, Домна перестала спорить с мужем, а Тиш принялся слишком старательно сматывать одну и ту же верёвку.

— Не здесь, — сказала она.

Они ушли к северному колодцу. Белый вал огибал его с лесной стороны, оставляя сруб людям, но корни уже проникли между нижними брёвнами. Вода стояла высоко и была прозрачной. На дне шевелилась ветка с семью чёрными листьями.

Олена села на мокрый край. Яра осталась стоять.

— Тебе было семь, — начала сестра. — Не шесть, как ты говоришь Тишу. Семь исполнилось после первого инея. Ты решила, что раз уже семь, можно одной идти за кислицей.

— Я помню корзину.

— Ты помнишь корзину, которую тебе потом сплёл отец. Ту мы не нашли.

— Красный шнур на ручке.

— У найденной был синий.

Яра закрыла глаза. В памяти красный шнур лежал ясно, до отдельной торчащей нитки. Но память могла пришить позднюю корзину к раннему страху.

— Дальше.

— Тебя не было к обеду. Бабушка велела всем молчать и сама пошла к камню. Отец хотел бить в колокол, она пригрозила разбить ему руки палкой. Сказала, лес услышит имя и уведёт глубже.

— Это правда?

— Тогда я верила.

— А теперь?

— Теперь думаю, она не хотела, чтобы люди узнали про договор.

Яра села рядом. Холод от колодезного сруба прошёл через юбку.

— Ты пошла за ней?

— Я уже была там. Пока взрослые спорили, обошла огороды и дошла к старой меже. Настоящей. Камень тогда стоял возле нашей яблони.

— Яблоню посадили позже.

— Молодая росла. Отец её потом пересадил ближе к дому.

Каждая подробность двигала знакомый двор. Яра видела яблоню у стены всю жизнь и никогда не спрашивала, почему ствол искривлён у самой земли. Корни дерева помнили прежнее место лучше людей.

— Межник был там?

— Сначала нет. Я пела.

Олена сказала это без паузы, но пальцы её сжали край сруба.

— Какую песню?

— Ту, что сейчас была в лесу.

— Мать пела её нам.

— Я пела тебе, когда ты боялась темноты. Думала, услышишь и выйдешь.

— Я слышала?

— Откуда мне знать? Ты потом ничего не помнила.

Вода в колодце дрогнула. Ветка на дне повернулась одним листом вверх.

— Я долго пела, — продолжила Олена. — Голос сел. Потом за камнем кто-то допел за меня последнюю ноту. Я решила, это ты. Перешла межу и увидела Межника.

— Таким же?

— Меньше. Или я была меньше. Он стоял возле ямы и держал твой красный шнур.

— Значит, шнур был.

— Был. Не на корзине. Он лежал у тебя в кармане с первого осеннего праздника. Бабушка завязала, чтобы от сглаза.

Яра нащупала пустое место в памяти. Шнур она помнила на ручке, потому что так было легче: вещь потерялась вместе с корзиной. Шнур в руке Межника означал, что он снимал его с неё или нашёл рядом.

— Что ты спросила?

— Где сестра. Он показал в лес. Я спросила, вернёт ли. Он сказал: вернёт заблудившуюся за умение, названное тем, кому оно принадлежит. Почти как Домне.

— Ты поняла?

— Мне было одиннадцать. Я поняла, что надо отдать то, что умею. Сказала, что умею месить тесто. Он спросил, месила ли я хлеб одна и был ли он нужен другому. Я пекла лепёшки, но хлеб сама не ставила. Тогда предложила штопать. Он спросил, носил ли кто-то мою штопку. Я штопала только тряпку для учения. Всё, чем дети хвастаются, оказалось ненастоящим.

— А пение?

— Его предложила не я.

Яра ждала.

Олена провела ладонью по горлу.

— Бабушка подошла сзади. Сказала: «Она поёт младшей каждую ночь, и младшая перестаёт бояться. Возьми песню старшей, верни младшую из дома Вежи и возьми северный локоть, чтобы дорога больше не касалась нашего порога».

На дне колодца ветка поднялась над илом.

— Она назвала умение за тебя, — сказала Яра.

— Да.

— Ты согласилась?

— Не помню.

— Это важно.

— Я знаю, что важно!

Крик ушёл в колодец и вернулся глухим эхом. В лесу три ноты прозвучали снова, на этот раз тише.

— Я хотела тебя вернуть, — сказала Олена. — Я была готова отдать голос. Наверное. Мне кажется. Но бабушка всё произнесла сама. Межник посмотрел на меня и спросил: «Сказанное принадлежит тебе?» Я решила, он про песню. Сказала да.

— А он мог спрашивать про все слова бабушки.

— Теперь понимаю.

— Что было потом?

— Он протянул руку. Я спела первую строчку. На втором слове голос пропал. Не охрип — пропал. Воздух выходил, горло двигалось, звука не было. Из леса пришла ты. Босая, в одной рубашке, с кислицей в волосах. Бабушка взяла тебя, а Межник коснулся камня. Камень ушёл в землю на ширину ладони. Она сказала, всё закрыто.

— Но в книге осталось моё неполное имя.

— Книгу я увидела позже. Вечером бабушка записывала у печи. Я спросила, зачем, если всё закрыто. Она сказала: «Чтобы помнить, как нельзя называть». Потом вырвала страницу и спрятала.

— Не вырвала. Она в старой книге.

— Значит, вставила туда.

Яра сложила порядок. Бабушка назвала её не Ярой, а младшей из дома Вежи. Назвала Оленино умение. Добавила землю. Олена подтвердила, что сказанное принадлежит ей, не понимая, относится ли вопрос к одному пению или ко всей фразе. Лес взял песню и отказ от северного локтя. Вернул Яру. Но запись сохранила возвращение неверным.

— Почему долг не закрылся, если он взял твоё умение? — спросила она.

— Спроси его.

— Я спрашиваю тебя: что произошло между песней и моим выходом?

— Ничего.

— Бабушка что-нибудь сказала?

— Не помню.

— Олена.

— Не помню!

Вода в колодце качнулась сильнее. Ветка поднялась до половины глубины. На её листьях было уже восемь жилок.

Яра наклонилась над срубом.

— Отойди.

Они успели сделать шаг. Ветка вылетела из воды, хлестнула по брёвнам и легла между сёстрами. Восемь листьев раскрылись одновременно. Семь были исчерчены чёрным. Восьмой оставался белым с тонкой серой кромкой.

К ветке была привязана лента.

Не красная. Выцветшая синяя полоска от детской рубахи Олены.

Олена присела, но не коснулась.

— Это была на мне.

— В тот день?

— Бабушка оторвала, когда я согласилась. Завязала на камне.

— Зачем?

— Сказала, так Межник не перепутает плату.

Яра достала из сумки щипцы для углей и подняла ленту. Ткань была мокрой, но не сгнила за двадцать семь лет. На внутренней стороне проступили бурые буквы.

Мирон подошёл, увидев их от старой книги.

— Не читай вслух, — предупредила Яра.

Он наклонился и разобрал одними губами.

— Здесь не формула. Здесь имя.

— Чьё?

Писарь показал пальцем. Почерк был бабушкин, мелкий и торопливый.

«Олена Вежа, старшая».

Ниже стоял другой знак — семь коротких черт и одна незаконченная.

— Восемь, — сказал Тиш, подошедший следом. — Ветка у дома считала не долги. Она считала людей?

— Или возвращения, — ответила Яра.

Олена выпрямилась.

— Меня не возвращали.

Из воды донеслась одна нота.

— Ты перешла межу, — сказала Яра. — Сама сказала, что перешла к Межнику.

— Я не заблудилась.

— Но вышла обратно после обмена.

Мирон раскрыл старую книгу на списке. Семь строк. Провёл пальцем по краю страницы.

— Здесь был ещё лист, — сказал он. — Видите нитки? Один лист вырезали близко к сгибу.

— Бабушка, — произнесла Олена.

— Не обязательно.

— Её лента. Её почерк. Кто ещё?

Яра вспомнила бабушкин ларь, который корни удерживали в доме. В нём могли лежать записи, но вал пропускал только отдельное человеческое. Ларь был сделан из дерева спорной земли и потому оставался связан с участком.

— Межник назвал семь неверных возвращений, — сказала она. — Значит, твоё было завершено верно. Восьмая жилка обозначает не новый долг.

— Тогда что?

Тиш поднял обломок доски, который Олена оторвала от крыши. На свежем изломе проступил серый знак, похожий на незаконченную восьмую черту.

— Может, лес считает умения, которые уже взял на этой земле, — предположил он. — Семь ещё ждёт. Одно уже получил.

— Но чёрными должны быть полученные, — сказал Мирон. — А чёрных семь.

— Межник считает не так, как мы раскрашиваем долги, — ответила Яра.

Она разложила на траве ветку, ленту и обломок доски. Семь чёрных листьев соответствовали семи незавершённым возвращениям. Восьмой белый — завершённому? Тогда у дома жилка темнела, когда Олена пыталась отделить доску. Почему?

— Пой, — сказал Тиш лесу.

Олена резко повернулась.

— Не ей, — пояснил он. — Лесу. Если песня связана с восьмым листом, пусть повторит.

Тиш насвистел три ноты.

Лес ответил четвёртой.

Олена закрыла глаза.

— Это продолжение, — сказала Яра.

— Да.

— Ты его помнишь.

— Я помню песню. Не могу спеть.

Тиш повторил четыре ноты. Лес дал пятую. Получалась та самая мелодия, но медленнее, словно кто-то учился по памяти.

— Перестань, — сказала Олена.

— Почему?

— Потому что он забрал её у меня, а ты сейчас учишь его правильно!

Тиш опустил голову.

Яра поняла раньше, чем смогла подобрать слова. Лес владел умением Олены, но не самой песней целиком. Он умел извлекать голос из дерева, находить высоту, держать дыхание ветра. Однако песня была не только умением петь. Она жила в памяти Олены и Яры, в материнском движении над тестом, в том, как одна сестра успокаивала другую. Межник взял способность делать, но не прожитое.

— Он не просит, чтобы ты научила его, — сказала Яра. — Он показывает, что пение здесь.

— Я и без него знаю.

— Нет. Ты двадцать семь лет говоришь, что голоса нет. А он не исчез. Он стал лесным явлением, как Домнино плетение.

— От этого мне легче?

— Не знаю.

Олена взяла ленту щипцами и понесла к белому валу.

— Что ты делаешь?

— Проверяю.

Она положила ленту на корни. Те разошлись, пропуская ткань на деревенскую сторону. Затем положила обломок доски. Корни поднялись стенкой.

— Лента человеческая, доска лесная, — сказал Мирон.

— Не только, — ответила Олена. — Лента была меткой уплаты. Лес её отпускает, потому что уплата завершена. Доску держит, пока семь не завершены.

Она сняла с пояса стамеску и положила на вал. Корни пропустили железо. Деревянная рукоять застряла.

— Рукоять я вырезала сама из ольхи возле дома, — сказала она. — Уже после нового камня.

Она вытянула лезвие из рукояти и перенесла на человеческую сторону. Дерево осталось среди корней.

Ветка у колодца качнулась. Восьмой белый лист отделился и упал к ногам Олены.

На нём была одна чёрная жилка, ровная и законченная.

Семь других листьев свернулись вокруг пустых средин.

— Восьмая не долг, — сказала Яра. — Это образец завершённой платы. Лес ставит её рядом, чтобы отделять своё от человеческого.

— Тогда почему жилка чернела от ударов?

— Потому что ты пыталась вынести лесное дерево как человеческое. Граница сравнивала с тем обменом, который знает точно.

Мирон осторожно записал вывод на чистом листе, заменяя опасные слова рисунками: семь пустых кругов, один закрашенный, доска, лента.

— Если закрыть семь, — сказал он, — у границы будет восемь законченных меток. Тогда она сможет отделить каждую вещь.

— Межник это и сказал, — ответила Яра. — Вернуть лесное лесу, не удерживая человеческое.

Олена смотрела на белый лист.

— Значит, моя песня спасла тебя всё-таки.

— Да.

— А в книге ты осталась должницей.

— Да.

— Как оба ответа могут быть верными?

Яра взяла ленту щипцами и развернула надпись.

— Потому что ты назвалась полностью, а меня бабушка назвала положением в доме. Твоя плата завершилась: Олена Вежа, старшая, отдала своё умение добровольно. Моё возвращение записали на «младшую из дома Вежи». Лес вернул человека, но договор не признал имя завершённым.

— Это бессмыслица.

— Для нас. Для Межника имя — часть счёта.

— Ты была моей сестрой независимо от имени.

— Именно поэтому мне важнее твоя песня, чем его книга.

Олена отвернулась к колодцу.

— Не говори красиво, когда хочешь, чтобы я простила бабушку.

— Не хочу.

— Хочешь, чтобы я простила тебя?

Вопрос застал Яру неподготовленной.

— За что?

— За то, что вернулась.

Яра почувствовала злость — быструю, спасительную. Хотела сказать, что была ребёнком, ничего не просила, не выбирала. Всё это было правдой и не отвечало Олене.

— Нет, — сказала она. — Я хочу знать, как жить с тем, что ты потеряла ради меня, когда ни ты, ни я не могли выбирать по-взрослому.

Олена долго молчала.

— Я не жалела, что ты вернулась, — сказала наконец. — Жалела, что после этого все решили: раз я сама согласилась, значит, мне не больно. Мать просила не напевать при мне. Отец прятал свирель. Бабушка говорила, что песня — малая цена за жизнь. Никто не спрашивал, что именно исчезло.

— А что исчезло?

— Я не могла укачать тебя, когда ты болела. Не могла позвать издалека так, чтобы ты узнала голос. На праздниках открывала рот вместе со всеми, чтобы соседи не смотрели. Потом перестала. Когда умерла мать, я не смогла спеть над ней. Вот что исчезло. Не ноты.

Яра коснулась её руки. Олена не отняла.

Тиш стоял в стороне и смотрел в землю. Мирон закрыл книгу. Даже он понял, что это нельзя превращать в запись для схода.

Из леса снова пришли три ноты. Теперь Олена не вздрогнула.

— Не отвечай ему, — сказала она Тишу.

— Не буду.

— Но запомни начало.

Он поднял глаза.

— Зачем?

— Чтобы однажды допеть самому. Не для леса.

К вечеру они проверили ещё восемнадцать вещей. Корни пропускали привезённое из других мест, железо, ткань, глину и дерево, срубленное по человеческую сторону старой межи. Удерживали древесину спорной полосы, камни из фундаментов, землю в горшках и воду из северного колодца. Один глиняный кувшин прошёл, пока был пуст, и застрял, когда его наполнили колодезной водой.

Домна записывала результаты рисунками. Мельничиха принесла весы и заставила дочь трижды отмерить мешок ржи без подсказки. Савва обходил дворы и считал людей, которым негде будет жить после разборки. Никто не произносил точных слов отдачи.

Перед закатом Олена вернулась к Яриному дому.

— Ларь надо открыть здесь, — сказала она. — Вынести не даст, но бумаги человеческие.

Они вошли вдвоём. Корни под половицами стали толще, однако не мешали идти. Бабушкин ларь сидел в белой плети, как камень в оправе. Замок заржавел, ключ не повернулся.

Олена могла бы вскрыть его за минуту. Она достала инструменты, затем посмотрела на деревянные рукояти.

— Эти из нашей ольхи.

— Железо вынь.

— Без рукояти работать хуже.

— Зато твоими руками.

Олена усмехнулась. Впервые за день.

Они выбили штифты, сняли дерево и оставили голые лезвия. Яра держала лампу. Олена работала железом, обмотанным полосами холста. Замок поддался не за минуту, а за десять.

Внутри лежали записи о травах, старые платки, красный детский шнур и тонкая тетрадь без обложки.

На первой странице бабушка написала семь полных имён.

На второй — имя Олены и одну завершённую черту.

На третьей начиналась строка, которую Яра уже видела по частям. Бабушка разделила её на отдельные слова и возле каждого поставила место хранения.

Шесть мест были перечёркнуты.

Седьмое оставалось нетронутым.

Рядом стояло одно слово: «песня».

Олена прочитала и медленно села на пол.

— Вот почему он поёт, — сказала Яра.

— Последняя часть спрятана не в вещи.

— В мелодии, которую ты помнишь.

За стеной лес повторил первые три ноты.

Олена закрыла тетрадь прежде, чем песня дошла до четвёртой.

Глава 7. Первое умение

Кузнечный молот ударил до рассвета.

Один раз — и замолчал.

Яра проснулась на лавке возле бабушкиного ларя, не сразу поняв, что именно её разбудило. Лампа догорела, тетрадь лежала под её ладонью, а за стеной лес медленно перебирал три ноты Олениной песни. Обычно Данила Крес начинал работу тремя пробными ударами: первым слушал наковальню, вторым — железо, третьим — собственную руку. После них Молвица знала, что утро пришло, даже если туман закрывал окна.

Сегодня был только один удар.

Во дворе кто-то бежал по мокрой траве. Дверь распахнулась, ударившись о корень под порогом. На пороге стояла Лада, жена кузнеца, в ночной рубаше под овчинным кожухом.

— Ратко не ночевал дома.

Яра поднялась.

— Где его видели последним?

— В кузнице. Данила велел ему выправить скобу для Саввиного амбара. Я ушла за углём к брату, вернулась — горн погашен, скоба на наковальне. Данила думал, сын у Прохора. У Прохора его нет.

— Сколько ему?

— Девятнадцать. Ты знаешь, сколько.

Знала. Но вопросы надо было задавать одинаково, чтобы страх не выбирал ответы за человека.

— Он говорил, куда пойдёт?

— Вчера спорил с отцом. Сказал, что лесу можно заплатить железом, если выковать вещь самому. Данила высмеял. Потом Савва собирал мужчин у кузницы, и они говорили про семь умений. Ратко слушал.

Яра взяла сумку, тетрадь завернула в сухой платок и спрятала обратно в ларь. Олена уже вошла с улицы, застёгивая куртку.

— Я слышала, — сказала она. — Тиш поднимет Домну и Мирона.

Лада вцепилась Яре в рукав.

— Он не заблудился. До леса от кузницы три двора.

— Тогда найдём его между тремя дворами.

— Не говори со мной как с больной.

— Я говорю как с матерью, которая хочет бежать во все стороны сразу. Покажи скобу.

В кузнице пахло мокрым углём и железной окалиной. Горн действительно был залит. На наковальне лежала дверная скоба, раскалённая вчера и уже почерневшая. Один конец загнулся ровно, второй был расплюсчен косо. Рядом валялся малый молот Ратко. Данила сидел на колоде, держа на коленях тяжёлый кузнечный молот, и смотрел на пол.

— Следы? — спросила Яра.

— От задней двери к валу, — ответил он. — За валом исчезли.

— Почему ударил один раз?

Данила поднял голову.

— Проверял, слышу ли.

— Что?

— Наковальню.

Олена осмотрела заднюю дверь. На косяке висела нитка паутины, целая с одной стороны и оборванная с другой. По глине шли следы сапог: широкие Данилины поверх более узких. За кузницей они сворачивали к белому валу.

— Ратко взял что-нибудь? — спросила Яра.

Лада показала на пустой крюк.

— Клещи. И новую подкову.

— Он хотел предложить лесу кузнечное умение, — сказал Данила.

— Своё?

— Какое у него своё? Молот держать научился. Жар различает по цвету, если не торопится. Верный удар пока слышит только после моего.

— Значит, мог решить, что умения достаточно.

— Я ему сказал, что недостаточно.

— Как сказал?

Данила сжал рукоять молота.

— Сказал, что лес подавится такой платой.

На пороге появился Тиш с фонарём. За ним Домна несла свою старую корзину без ручки, а Мирон — книгу, обёрнутую в клеёнку.

— У вала нашли подкову, — сказал Тиш. — Она висит на корне. Не зацепилась. Корень держит её как палец кольцо.

Они вышли за кузницу. Межевой вал здесь проходил вдоль канавы. Корни сплелись над водой белой решёткой. Новая подкова висела посередине, и сквозь отверстия в ней росли тонкие побеги. Клещи лежали уже по лесную сторону.

Яра присела возле следов. Ратко дошёл до вала, долго стоял, переминаясь. Потом шагнул через корни. Обратных следов не было.

— Он вошёл сам, — сказала Лада. — Значит, не заблудился.

— Войти самому и знать обратную дорогу — разные вещи.

— Межник взял его нарочно, потому что слышал разговор.

— Межник не хватает людей у печи. Ратко перешёл старую межу и понёс плату, которую собирался назвать. Надо узнать, что он сказал.

Данила снял фартук и бросил на землю.

— Я пойду к камню.

— Пойдём вместе.

— Ты будешь задавать свои вопросы, пока он там один.

— Если ты предложишь первое, что умеешь, лес может вернуть сына и оставить тебя без способа кормить семью. Или не принять цену, если решение принято в страхе. Я должна слышать условия вместе с тобой.

— Не должна.

— Тогда оставайся. Я найду Ратко сама.

Данила шагнул к ней, но Олена встала между ними. Не угрожая, просто заняла место. Плотницкий топор висел у неё за спиной.

— Она уже один раз вернулась за чужую цену, — сказала Олена. — Второй раз не даст.

Данила посмотрел на неё, потом на лес.

— Лада идёт.

— Иду, — ответила жена прежде, чем Яра успела возразить.

У настоящей межи туман лежал низко, до колен. Под сапогами не хрустела ни одна ветка. Домнина корзина дёргалась в её руках, стараясь заплести туманные пряди в жгуты, и Домна всякий раз встряхивала её.

— Не помогай, — приговаривала она. — Сегодня не твоя работа.

До камня дошли быстро, хотя тропа дважды вывела их к одному и тому же пню. Яра заметила повтор по трём грибам на коре, Тиш — по запаху раздавленного багульника. В третий раз они обошли пенёк с разных сторон и встретились у межевого камня.

Межник стоял за ним.

Сегодня его лицо было из серой коры, а глаза — из двух влажных желудей. В одной руке он держал кузнечные клещи. Ими он вынимал из земли раскалённые докрасна камни и укладывал вокруг своих босых ступней.

— Где Ратко Крес? — спросил Данила.

Межник повернул к нему лицо.

— Человек с этим полным именем вошёл за межу до полуночи.

— Где он?

— Заблудившийся находится там, куда не знает дороги.

— Верни его.

— Назови принадлежащее тебе умение, которым ты пользовался для другого, и подтверди, что отдаёшь его без принуждения.

Данила поднял молот.

— Отдаю умение ковать железо.

Яра схватила его за запястье прежде, чем он закончил.

Межник не двинулся. Камень в клещах остыл из красного до чёрного.

— Отпусти, — сказал Данила.

— Нет.

— Он принял слова.

— Не принял. Ты не подтвердил.

— Подтвержу.

— Сначала скажи, что именно потеряешь.

— Ковать разучусь.

— Всё? Развести горн сможешь? Починить колесный обруч? Отличить мягкое железо от хрупкого? Научить Ратко?

— Откуда мне знать, что он возьмёт?

— Поэтому нельзя отдавать всё ремесло одной фразой.

Межник положил клещи на камень.

— Названное человеком ограничивает взятое. Неназванное не дополняет цену.

— Слышал? — Данила выдернул руку. — Только то, что назову.

— Ты назвал всё умение ковать. Это не один навык. Ты сам говорил: Ратко держит молот, видит жар, но не слышит удара. Назови то, без чего готов жить, и проверь, достаточно ли этого для возвращения.

Лада подошла к мужу.

— Отдай моё умение ткать полотно.

Межник ответил сразу:

— Чужое нельзя отдать своим ртом.

— Я сама скажу.

— Скажешь, когда назовёшь, что умеешь, для кого делала и почему выбираешь утрату не по велению другого.

Лада открыла рот и замолчала. Данила не посмотрел на неё.

— Моего хватит, — сказал он.

Из-за деревьев донёсся удар. Глухой, косой — таким молот соскальзывает с края заготовки. Потом вскрикнул Ратко.

Данила рванулся на звук. Тропа пропала под ногами; вместо неё поднялась стенка молодых елей. Он ударил по ветвям молотом, но иглы сомкнулись снова.

— Ратко! — крикнула Лада.

Слева ответило эхо, справа — ещё одно. Третье «Ратко» прозвучало впереди голосом, похожим на её собственный.

— Не зовите, — сказала Яра. — Лес размножает имя.

— Пусть знает, что мы здесь.

— Он знает. Но Ратко пойдёт на голос и попадёт к эху.

Данила вернулся к камню.

— Я умею слышать верный удар. Не просто звон. Слышу, когда железо готово поддаться и куда молот должен лечь. Этим умением я ковал плуги, подковы, скобы и ножи для всей Молвицы. Отдаю его за Ратко Креса.

Межник спросил:

— Почему выбираешь утрату?

— Потому что сын дороже.

— Это сравнение людей и ремесла. Назови выбор.

Данила выругался.

— Какая тебе разница?

— Слова держат цену.

Яра услышала в этом не придирку, а тот же порядок, по которому лес различал полное имя и положение в семье. «Сын дороже» могло означать что угодно: страх Лады, долг отца, стыд перед деревней. Добровольность требовала не красивого ответа, а границы.

— Скажи, что останется твоим, — предложила она.

Данила посмотрел на молот.

— Руки останутся. Память останется?

— Прожитое не берётся как умение, — ответил Межник.

— Я буду помнить все удары, но не смогу услышать новый?

— Ты назвал способность слышать верный удар.

— Смогу работать по чужой подсказке?

— Слова другого не станут твоим слухом.

— А глазами?

— Глаза не названы.

Данила закрыл глаза. Яра видела, как он перебирает жизнь после обмена: горн, заготовку, руку сына возле своей руки. Не пустоту, а другую, худшую работу. Он мог смотреть на цвет железа, считать удары, делать простые вещи медленнее. Мог передать Ратко то, что помнил. Не мог больше одним звоном понять, выдержит ли ось телегу или треснет на спуске.

— Я выбираю отдать способность слышать верный удар, — сказал он. — Потому что это моё умение и моя утрата. Лада не велит мне. Деревня не велит. Ратко не просил. Я знаю, что после этого не смогу один отвечать за работу, пока не найду другой способ её проверять. Выбираю всё равно.

Межник посмотрел на Ладу.

— Тебе принадлежит это решение?

— Нет, — сказала она после долгой паузы. — Мне принадлежит страх за сына. Решение Данилино.

— Тебе принадлежит это решение? — спросил дух у Яры.

— Нет. Я только заставила его назвать предел.

— Тебе? — спросил он у Олены.

— Нет.

Тиш сам ответил, не дожидаясь вопроса:

— И не мне.

Межник протянул Даниле клещи.

— Возьми железо, которым пользовался другой, и ударь туда, где услышишь верное место.

На камне лежала Раткова подкова. Один край её был толще другого. Данила зажал подкову клещами, положил на межевой камень и поднял молот.

Он не бил долго. Слушал, наклонив голову, пока туман собирался каплями на волосах. Потом едва заметно повернул подкову и ударил.

Звон получился чистый, высокий. Такой звук Яра слышала из кузницы сотни раз и никогда не думала, что он может быть ответом.

Межник раскрыл деревянные пальцы.

Звон не угас. Он вытянулся тонкой нитью от подковы к ближайшим деревьям. В одном стволе отозвался, во втором стал ниже, в третьем раскололся на два звука. Данила выронил молот и зажал уши.

— Не помогает, — сказал он.

— Что ты слышишь? — спросила Лада.

— Всё.

Капля упала с ветки на камень. Данила вздрогнул. Тиш переступил ногой — кузнец обернулся. Где-то далеко стукнул дятел, и Данила согнулся, будто получил удар в грудь.

Потом звон разом ушёл из его лица.

Он выпрямился и посмотрел на подкову.

Межник ударил деревянным ногтем по её краю.

— Ну? — спросила Яра.

Данила нахмурился.

— Железо звенит.

— Как?

— Громко.

Межник ударил в другом месте. Звук был дребезжащий, явно неверный даже для Яры.

— А теперь?

— Тише.

— Где надо ударить?

Данила поднял молот, примерился, переставил руку, снова примерился. Прежде это движение занимало один вдох. Теперь он искал глазами след окарины, толщину края, вмятину от прошлого удара.

— Здесь, — сказал неуверенно.

— Почему?

Он не ответил.

За елями затрещали ветки. На тропу вышел Ратко. Лицо было в саже, левая ладонь обмотана клочком рубахи. В руках он держал согнутую скобу.

Лада бросилась к нему. Яра успела крикнуть, чтобы не переходили камень одновременно, но мать уже обняла сына. Никакой корень их не остановил.

Данила стоял возле подковы.

Ратко увидел его и протянул скобу.

— Я не смог выправить. Там кузница была. Камни горели, молот сам бил, а я всё промахивался. Потом услышал твой удар и пошёл на него.

— Руку покажи, — сказала Яра.

Ожог оказался неглубоким. Она промыла ладонь водой из своей фляги, смазала мазью с льняным маслом и завернула чистым полотном. Ратко всё пытался заглянуть ей через плечо на отца.

— Что он отдал?

Никто не ответил сразу.

— Слух, — сказал Данила. — Не обычный. Тот, которым работал.

Ратко побледнел сильнее, чем при обработке ожога.

— Зачем? Я сам вошёл.

— Затем и отдал, что ты сам вошёл.

— Я хотел найти Межника. Думал, если предложу умение держать клещи, он зачтёт одно из семи и отпустит землю.

— Клещи держит любой, у кого пальцы есть.

— Я не знал.

— Поэтому и не ходят к лесу с платой, не зная цены.

— А ты знал?

Данила посмотрел на межевой камень.

— Теперь знаю.

Яра перевязала узел и поднялась.

— Один долг закрыт? — спросила она Межника.

Дух коснулся межевого камня. На серой поверхности появилась тонкая чёрная черта, ровная, как след угля по линейке.

— Один из семи возвращённых назван полным именем и оплачен добровольным умением.

— Ратко не был в старом списке.

— Цена принята за Ратко Креса. Завершение относится к одному возвращению.

— К какому?

— К тому, чьё неполное имя назовёт отдавший.

Данила резко поднял голову.

— Ты не говорил.

— Ты не спрашивал, какой старый долг закрывает новая цена.

Яра почувствовала холод, хотя туман уже редел. Межник вернул Ратко за умение, но старых семь строк оставались без распределения. Данила получил право назвать одну. Если сделает это сейчас, в страхе и усталости, может выбрать Яру из благодарности ей или кого-то влиятельного по требованию Саввы.

— Не называй, — сказала она.

— Тогда плата пропадёт? — спросила Лада.

— Принятая цена не исчезает, — ответил Межник. — Неназванное завершение ждёт полного имени.

— Значит, решим на сходе, — сказал Мирон.

— Нет, — возразила Яра. — Решает Данила. Но не здесь и не сейчас. Сначала он увидит семь полных имён из тетради и поймёт, что меняется для каждого.

Межник не мешал. Он поднял подкову и повесил на ветку. В лесу тотчас застучало.

Не один молот. Десятки.

Камни под мхом били друг о друга, выбирая точное место. Сухие сучья опускались на выступы серого гранита и отскакивали с чистым металлическим звоном. Даже капли падали не беспорядочно: каждая находила на листе натянутый край и выбивала свою высокую ноту. Звуки складывались в работу огромной невидимой кузницы.

Данила слушал и ничего в них не узнавал.

— Оно теперь там, — тихо сказал Ратко.

— Там, — подтвердил отец.

Обратная дорога не петляла. Лес вывел их прямо к белому валу, как будто возвращение завершило тропу. Возле кузницы собралась половина деревни. Савва стоял впереди и первым увидел Ратко.

— Живой! — крикнул он. — Кто заплатил?

— Я, — ответил Данила.

— Чем?

— Своим.

Савва хотел спросить ещё, но Олена подняла ладонь.

— Дайте ему дойти до дома.

У дверей кузницы Данила остановился. На наковальне лежала утренняя скоба. Он поднял малый молот, ударил по ровному концу и прислушался. Потом ударил по косому. Лицо не изменилось.

— Разницу слышишь? — спросил Ратко.

— Ушами — слышу. Руками пока нет.

— Я скажу, куда бить.

— Ты сам промахиваешься.

— Тогда будем смотреть вдвоём.

Данила положил скобу в горн. Ратко качнул мехи здоровой рукой. Отец следил за цветом железа, сын считал вслух. На пятом счёте Данила вынул заготовку, но она была ещё темна. Он вернул её в уголки без брани.

Снаружи лес продолжал ковать камни без единой ошибки.

Яра достала из сумки чистый лист и нарисовала одну завершённую черту рядом с семью именами. Под ней записала не формулу, а простые слова Данилы: способность слышать верный удар; руки, зрение и память остались; решение принадлежало ему; старое имя ещё не выбрано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.